

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

ПУШКИН И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОДА (ЭКУШАР ЛЕБРЕН)

Раскрыть имя поэта, зашифрованное в оде Пушкина «Вольность» формулой «возвышенный галл», значит не только присоединить еще одно имя к тем именам, которые так или иначе связаны с Пушкиным; это значит назвать того, по чьим следам шел Пушкин по собственному его признанию; это значит, наконец, определить ту литературную и идейную среду, в которой возникла пушкинская ода.

Именно в данном случае можно говорить о влиянии, не боясь многозначности этого слова, так как влияние это осознано и признано самим поэтом.

Более двадцати лет тому назад в краткой заметке я коснулся вопроса о том, кого именно Пушкин имел в виду под перифрастической формулой «возвышенный галл». ¹ Тогда мною было названо имя Экушара Лебрена вместо традиционного имени Андре Шенье. Краткость заметки и ее задача (раскрытие смысла пометы на одной из старых копий «Вольности») не позволили тогда полностью развернуть проблему, а потому вопрос считается до сего времени окончательно не решенным. Во многих изданиях комментаторы попрежнему упоминают, в связи с этими стихами Пушкина, имя Андре Шенье. ² Делались попытки расшифровать слова Пушкина иначе, выдвигались другие имена в роли вдохновителя Пушкина. Поэтому необходимо к данному вопросу вернуться еще раз и привести в известность все материалы, какими мы располагаем по этому поводу.

Прежде всего, обратимся к точному тексту оды Пушкина и постараемся уяснить реальное содержание его слов.

Обращаясь к «грозе царей, свободы гордой певиче» (т. е. к «музе вольности», поэзии свободы), Пушкин пишет:

¹ «Пушкин и его современники», вып. XXVIII, 1917, стр. 70—72 (О «Возвышенном Галле»).

² Особенно досадно появление имени А. Шенье в популярных изданиях, где отсутствие аргументации придает этой гипотезе характер безапелляционной истины. Так в изд. «Избранные стихотворения и поэмы» 1933 г. с примечаниями В. Х. Черняка читаем: «Пушкин имеет в виду Андре Шенье (1762—1794) — французского поэта, казненного в эпоху Великой французской революции по приговору революционного трибунала за сочувствие монархии». В изд. «Избранная лирика» 1935 г. под редакцией и с примечаниями Д. Д. Благого значится: «Возвышенный галл — по мнению одних исследователей, более вероятно, Пушкин имеет здесь в виду французского поэта Андре Шенье (см. о нем ниже, стр. 149); по мнению других — французского одописца Экушар-Лебрена (1729—1807), перешедшего на сторону французской революции». На соответствующей (149) странице сообщается: «Шенье горячо приветствовал первые шаги Великой буржуазной французской революции, воспев их в двух (?) одах». В изд. «Academia» 1935 г., стр. 446, и 1936 г., стр. 686 говорится: «В строфе 2 под «возвышенным галлом» Пушкин разумел или Андре Шенье или Экушар Лебрена, автора Ode au vaisseau le Vengeur, 1794 г.»

Открой мне благородный след
 Того возвышенного галла,
 Кому сама среди славных бед
 Ты гимны смелые внушала.
 Питомцы ветреной Судьбы,
 Тираны мира! трепещите!
 А вы мужайтесь и внемлите,
 Восстаньте, падшие рабы!

Здесь несомненно только то, что Пушкин имеет в виду французского поэта, воспевавшего свободу в значительную историческую эпоху (среди «славных», т. е. знаменитых бедствий, *calamités mémorables*).³ Однако к этим скудным данным можно присоединить еще подсказываемые контекстом предположения, обладающие достаточной вероятностью. Повидимому, призываемый певец свободы исключал возможность монархической интерпретации его гимнов, так как за несколько строк та самая муза, которая вдохновляла «возвышенного галла», названа «грозою царей». Можно предполагать, что среди произведений этого поэта имеются мотивы изобличения царей. Точно так же надо думать, что, изобличая тиранию, данный поэт выступал против нее в защиту народных прав. Обращение к тиранам и рабам, непосредственно после воззвания к имени поэта, в известной степени показывает, о чем может писать поэт, идущий по следам данного автора. Следует учитывать, что слово «восстаньте» в политико-поэтической лексике Пушкина не обозначает еще призыва к восстанию, мятежу, и синонимично современному «воспряньте»; однако в данном случае противопоставление народа царям определенно говорит, о какой свободе идет речь.

Помимо того, в тексте наличествуют черты, определяющие искомого поэта. Это — поэт возвышенный, т. е. по всей вероятности — лирик. Кроме того, его «гимны» воспевают Свободу. Термин этот не отличается определенностью. Хотя во французской гражданской лирике и часто встречаются термины *chant*, *hymne*, *dithyrambe*, но поскольку это слово употреблено в стихотворном контексте, где о поэзии не говорится иначе, чем о пении, возможно и более широкое истолкование слова, а именно как оды вообще.

Наконец, зашифрованная форма упоминания поэта, без называния его имени, заставляет искать его среди тех, которые пользовались в годы создания «Вольности» достаточной известностью, чтобы у современников не возникало сомнений в том, о ком идет речь. Отмечу здесь, что известны два старых списка, в которых это имя раскрыто: в обоих случаях назван Лебрен. Это раскрытие имеет свое значение как восприятие современниками текста Пушкина. Но, конечно, у нас нет никаких данных утверждать, что это раскрытие имени восходит к самому Пушкину.

Принимая во внимание революционную функцию оды (независимо от положительного содержания политического учения, в нее вложенного), естественнее всего искать имя «возвышенного галла» среди поэтов французской революции.

Чтобы избежать всякого субъективизма в отборе имен многочисленных поэтов этой эпохи, я воспользуюсь официальным документом, который и приведу полностью (опуская лишь заключительный перечень композиторов), в переводе, сохраняя французскую транскрипцию собственных имен. Это — приказ (*proclamation*), изданный и прочитанный в Париже на Марсовом поле 1 вандемьера V года (22 сентября 1796), по случаю годовщины основания Республики.

³ Приходится считаться с тем, что в основе политической лексики «Вольности» имеется налет французского словоупотребления и иногда французский перевод облегчает понимание текста.

«Если французский народ во все времена умел побеждать, то во все времена он умел и воспевать свои победы; но при деспотизме скованный гений мог касаться лишь немногих струн лиры: ныне свобода открывает ему полный простор для полета; Пиндары и Тиртеи умножаются, и по ним Европа узнает, что если мы умеем защищать свободу нашей доблестью, мы также умеем привлекать к ней любовь нашими песнями.

Вот имена поэтов и музыкантов, которые содействовали украшению национальных празднеств со времени завоевания свободы и к которым народ обращается с данью признательности.

В первом ряду идут народный представитель Marie-Joseph Chénier;

Гражданин Lebrun, член Национального института наук и искусств, пиндарический слог которого (*dont le genre pindarique*) семь раз прославил в разные времена свободу, искусства и наши победы;

Гражданин Théodor Desorgue, который так же семь раз поспешил смешать свое поэтическое пенье с нашими песнями радости, и гражданин Comptigné, известный главным образом похоронной песней на смерть Ферро и элегической песней усопшим Жиронды;

Наконец, гражданин Rouget de Lille, истинный Тиртей Франции по силе своей марсельской песни, которой он является и композитором и поэтом одновременно, песни, которая дала столько побед Республике, которая так дорога нашим воинам и которая заставляет врагов наших и бояться ее и петь ее.

За ними следуют только еще вступающие на открывающееся перед ними поприще, подавая большие надежды, граждане Baour-Lormian, Varson, Dravigni, Pillet, Fline, Lachabaussière и гражданка Pipelet».

Прежде всего, необходимо устранить имена, которые никак не подходят под формулу «возвышенный галл». Начинаящие поэты, перечисленные в конце, так и не проявили себя в достаточной степени, за малыми исключениями. Баур-Лормиан (1770—1854), написавший всего лишь несколько гражданских стихотворений, не мог привлечь внимания Пушкина с этой именно стороны своего творчества. Он дебютировал, когда революция была уже на исходе, и быстро перешел с тем революционного патриотизма на темы прославления Наполеона. Вскоре, после Ста дней, он с той же легкостью писал послания Людовику XVIII. Если он и достиг некоторой известности, то более как переводчик «Освобожденного Иерусалима», как автор оссианических поэм и нескольких трагедий, а больше всего как жертва бесчисленных эпиграмм. Варсон, повидимому, искаженное имя. Это едва ли не Varon (1761—1796), поэт весьма малого масштаба. Dravigni, конечно — искажение имени Davrigni или d'Avrigni (смотря по обстоятельствам). Этот Давриньи (1760—1823) получил некоторую известность своим гимном (музыка Мегюля) для празднества в честь Барра и Виала в 1794 г. (7 термидора II года). Однако, если у него и была некоторая известность, то только как драматурга. Объектом его гражданской поэзии был преимущественно Наполеон, при котором он получил должность драматического цензора при министерстве полиции. Должность свою он сохранил до самой смерти, т. е. оставался политическим цензором и при Бурбонах, реставрацию которых он дважды приветствовал.

Более известен Pillet, вернее Fabien-Pillet (1772—1855), но известен он более как последовательный реакционер, вообще же от политических тем он воздерживался, писал мелкие стихотворения и случайные пьесы, приобрел некоторую известность эпиграммами. Репутацией революционного поэта обязан пьесе «Wenzel» (1794) и стансам на изготовление пушек, пороха и селитры того же времени. В его репертуаре имеются куплеты на рождение римского короля и на возвращение Бурбонов. Это типичный представитель мелкой поэзии.

Flinc — опять искаженная фамилия Flins (1757—1806), поэта, никогда не возвышавшегося над посредственностью,⁴ равно как и de Lachabeausière (1752—1820). Оба они занимались более драматургией, чем лирикой, и ничего заметного после себя не оставили. Что касается гражданки Constance Pipelet (1767—1845), то о ней серьезно говорить не приходится, тем более, что к эпохе создания «Вольности» она была уже княгиней Salm-Dyck. Она продолжала успешно заниматься поэзией, но славы революционного поэта не стяжала.

Все эти мелкие поэты в своих случайных гимнах, никак не выражавших их подлинных убеждений (в большинстве случаев у них не было никаких убеждений), ограничивались общими фразами, в которых выражался восторг перед успехами французского оружия и угрозы эмигрантам и монархам враждебных государств. Никакой политической доктрины, кроме абстрактных формул патриотизма, их стихи не содержали.

К их числу можно отнести и поименованных «в первую очередь» Désorgues (1750—1808), автора «Гимна в честь верховного существа» 1794 и Compiègne, в действительности Coupigni (1766—1835), автора «Песни победы» 1794 г. Первый из них был искренним республиканцем, а затем почитателем Наполеона, который впрочем за одну его сатирическую песенку засадил его в сумасшедший дом, где он и кончил существование. Единственное гражданское стихотворение, пережившее автора, носит настолько ясно выраженный религиозный характер воспевания бога, что при известном настроении Пушкина оно в его глазах не искупалось наличием общих слов, в которых прославлялась свобода.⁵ Дезорг более известен эпиграмматической перепалкой с Лебреном, который написал против него не менее пяти эпиграмм; это не лучшие эпиграммы Лебрена; в них осмеивается горб Дезорга, его дифирамб (упомянутый выше гимн) и страсть всем читать свои стихи и в частности свой пресловутый гимн. Дезорг отвечал Лебрену жестокой эпиграммой, которая сохранилась в памяти потомства долее, чем те эпиграммы, которыми она вызвана.

Купиньи составил себе известность не гражданскими стихами, а нежными романсами, из которых более всех славится романс 1799 г. «Il est trop tard». Сатирик Деназ определил его стихом:

Le tendre Coupigni soupire une romance...⁶

Ясно, что образ «нежного» Купиньи не совпадает с образом «возвышенного галла».⁷

Руже де Лиль является автором, собственно говоря, одной только Марсельезы. Всё остальное не возвышается над посредственностью. Он так же не отвечает приметам «возвышенного галла», как например и случайный поэт Ad. S. Boy (умер в 1793), который, правда, написал чрезвычайно популярный гимн «Veillons au salut de l'empire» (1791), распевавшийся на музыку Далерака (гимн этот известен по русскому переводу Катенина;

⁴ Известна эпиграмма Лебрена, начинающаяся словами:

Des léthargiques rimeurs
Flins est bien le coruphé...

Перевод: Из летаргических рифмачей Флен конечно корифей.

⁵ Этот гимн наряду с гимном еще менее известного Дефоржа (Autel de la Patrie), исполнялся как образец революционной лирики на исторических утренниках французского театра во дворце Трокадеро в августе и сентябре 1900 г. Его исполнение вызвало справедливое замечание критика Ларруме: «Без музыки Госсекса его поэзия ныне столь же холодна, как и эмфатична» (Études de critique dramatique, p. 166).

⁶ Перевод: Нежный Купиньи вздыхает в романсе...

⁷ Этот Купиньи принял участие в изданных Орловым переводах басен Крылова (Париж 1825). Им переведен «Крестьянин и работник». По странному стечению обстоятельств в этом издании мы встречаем и другие имена авторов революционных гимнов: гражданку Пипеле, подписавшуюся уже именем княгини де Сальм, и автора «Марсельезы» Руже де Лилия («Гуси»).

возможно, что данный перевод послужил поводом к высылке Катенина из Петербурга в 1822 г.).⁸

Серьезными кандидатами являются только два первые имени из перечисленных в приказе: М.- Ж. Шенье и Экушар Лебрен.

Но прежде чем заняться ими, замечу, что список революционных поэтов можно было бы продолжить. Однако в числе неупомянутых в приказе поэтов нет ни одного сколько-нибудь значительного. Это были или совсем малоизвестные имена (как Дельриё, Маленгр, Талера, Лефевр, Дефорж, Т. Руссо, Суригер) или мелкие поэты, определившиеся к эпохе реставрации как законченные роялисты (революционные стихи писали Легуве, Мишо и даже редактор «Монитора» Труве, занимавший в 1814 г. место среди самых крайних реакционеров). Один из таких поэтов, Дора-Кюбьер (автор оды Марату и других подобных произведений), с совершенным цинизмом вспоминал в первый год реставрации Бурбонов свое революционное прошлое: «Да, я патриот, я люблю родину и короля... Пусть при терроре я написал несколько произведений, которые, повидимому, этому противоречат; но эти произведения были продиктованы самим террором: надо было писать в духе террористов, или итти на эшафот».⁹

Среди более значительных писателей можно назвать Парни, написавшего гимн для праздника юности в жерминале VII года. Но для «нежного» Парни ода совсем не характерна. Так же не характерна революционная лирика для Луве де Кувре, автора «Фобласа»; им был написан гимн, хотя и направленный против Робеспьера, но развивающий общие темы революционной свободы.

Подобные поэты понятию «возвышенный галл» никак не соответствуют. Итак, остаются две кандидатуры.

Остановимся на первой. Мари-Жозеф Шенье (1764—1811), младший брат Андре Шенье, действительно занимает первое место среди авторов революционных гимнов. Ему принадлежит известнейший гимн *Chant du départ* (1794). Почти ни одно революционное празднество не проходило без какой-нибудь сочиненной им по этому поводу песни. В 1790 г. исполнялся его гимн на празднике Федерации, в 1791 г. им написан гимн по случаю перенесения праха Вольтера, в 1792 г. он принял деятельное участие в организации встречи освобожденных швейцарских солдат, восставших в Шатоввё, и воспел их в очередной оде. Напомню, что это празднество было одним из поводов политического расхождения братьев Шенье, незадолго до того выразившегося в их полемике по вопросу о народных обществах (т. е. о якобинцах). Андре Шенье в «*Journal de Paris*» резко выступил против празднества, и особенно против его организатора Колло д'Эрбуа. Именно этим празднеством вызвана была его сатира, одно из двух стихотворных произведений, напечатанных при его жизни.

⁸ Кандидатура Руже де Лилля в пушкинские «возвышенные галлы» также выдвигалась. В рукописном сборнике Лонгинова 1835—1857 имеется запись при стихотворении «К. К... Г... посылая ей оду Вольность»: «Кстати приведу здесь замечание моего искреннего приятеля С. Д. Полторацкого, известного во всей Европе библиографа, касательно 2-й строфы оды «Вольность». Он полагает, что оно относится не к А. Шенье, а к Руже де Лиллю, автору известного революционного гимна «*La Marseillaise*», написанного в начале 1792 года. Это мнение слышал я прежде, но позабыл». Со свидетельством С. Д. Полторацкого, современника и приятеля Пушкина, следует считаться, однако при отсутствии каких бы то ни было аргументов принять это мнение нельзя. Что же касается «Марсельезы», то она является прежде всего военной песней и не включает в себе какой-либо доктрины: на ее основе не могла возникнуть «Вольность».

⁹ Так же цинично изъясняется другой поэт, Ф. де-Сентажк (1752—1812), автор оды на праздник верховного существа: «Этот патристический гимн несколько отзывается философическим фанатизмом, восторженную приверженность к которому приходилось заявлять для сохранения жизни в революционную эпоху, когда он был написан. Чтобы не быть растерзанным волками, приходилось быть по-волчьи» (F. Desaintange, «*Mélanges de poésies*», Paris, an X — 1802, p. 93).

После этого почти каждое торжество сопровождалось гимном М.-Ж. Шенье. Будучи близок к якобинцам, он оставался официальным поэтом при Робеспьере, хотя по своей политической деятельности и не занимал видного места среди монтаньяров, а перед самым термидором подвергался опасности ареста и поэтому легко воспринял линию термидорианцев после термидора, продолжая свою деятельность официально-патриотического поэта. Впоследствии он примирился и с империей.¹⁰ Применяясь к разным режимам, он, однако, всегда сохранял либеральные убеждения и боролся с реакционными течениями, о чем свидетельствуют его сатиры (против Шатобриана, Делиля и др.).

Казалось бы, внешние данные о поэтической деятельности М.-Ж. Шенье делают вероятным предположение, что именно его имел в виду Пушкин в «Вольности». Но этому противоречит то, что Шенье никогда не занимал первых мест в литературе. Из всех его гимнов в памяти удержался только *Chant du départ*, и то более благодаря музыке Мегюля. Гимны его ограничиваются общими фразами свободолюбивого патриотизма. В его собственном литературном наследии они занимают скромное место. Его имя вызывает в первую очередь представление о революционной драматургии, и его «благородный след» можно понимать только в значении путей гражданской трагедии (главные его произведения «Карл IX», «Генрих VIII», «Фенелон» продержались в репертуаре французского театра до 1805 г.).¹¹ Гимны для национальных празднеств являлись для него не столько делом литературы, сколько политическим мероприятием: он приписывал большое воспитательное значение организации патриотических народных празднеств и неоднократно высказывался в этом смысле с трибуны законодательных собраний, членом которых он был (Конвент, Совет пятисот).

Обратимся теперь к имени Экушара Лебрена, «революционного Пиндара», как называли его современники. К началу революции Лебрен был уже сложившимся поэтом: он родился в 1729 г. и начал писать уже в 14 лет. «В 26 лет Лебрен уже занял место в первом ряду лирических поэтов», пишет его биограф (в либеральной *Biographie nouvelle des contemporains*, 1823 г.). В первый период своей поэтической деятельности он писал преимущественно элегии классического образца, но постепенно перешел на оды. Именно как одописец встретил он революцию. В первый период революции он занимал крайнюю левую позицию. Тот же биограф, придерживавшийся умеренно либеральных взглядов, писал: «Его революционные оды, в которых поэтический восторг усилен еще восторгом свободы, возмущали среди его современников даже его почитателей: в них часто находили исступление мятежника». Большое значение революционных од в творчестве Лебрена, главным образом, и было причиной споров вокруг его имени. Неполное признание его литературного достоинства в значительной степени объясняется тем влиянием, каким обладали в критике начала XIX в. реакционные и консервативные элементы, и лишь отчасти нападками ранней романтической критики, хотя неполное забвение его имени и относится ко времени окончательного торжества романтической поэзии, когда развенчаны были все имена «великих» лириков классической школы, порядка Делиля и даже обладавшего почти вековой славой Жана-Батиста Руссо. Почти никто в эпоху господства классического стиля не мог предвидеть такой переоценки репутаций. И поэтому автор цитированной биографии совершенно убежденно писал:

¹⁰ Шенье принял участие в перевороте 18 брюмера, не учитывая всех его последствий. При Империи он примыкал к группе умеренно-республиканской оппозиции.

¹¹ Андре Шенье в оде, адресованной брату, охарактеризовал его деятельность в стихе: *Va remplir à la fois la scène et la tribune*. Перевод: Займи место на сцене и на трибуне. Сцена и политическая трибуна, — вот что характеризует образ М.-Ж. Шенье.

«Когда безвозвратно угаснут поэтические раздоры и раздоры политические, вновь вспыхнувшие, Франция оценит Лебрена так, как Англия ныне ценит Мильтона. Она увидит в нем поэта, по меньшей мере равного Жану-Батисту Руссо в эпиграмме и в оде, но более богатого высокими образцами в обоих жанрах. Прекрасные оды Лебрена в такой степени объединяют в себе силу мысли и смелость выражения, часто счастливого, они одушевлены столь возвышенным восторгом, что не явится унижением для первого французского лирика, если мы поставим Лебрена на один с ним уровень».

Вот оценка, данная одам Лебрена Мари-Жозефом Шенье (*Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789*. Писано в 1816 г.): «Квинтилиан справедливо сказал, что Эсхил был так возвышен, что это достоинство доходило у него до недостатка. То же можно сказать о Лебрене. Но если можно упрекать его в изобилии фигур и злоупотреблении ими, в излишней смелости выражений, в чрезмерной склонности соединять слова, не сочетаемые между собой, то лишь одна зависть может оспаривать в нем глубокое знание поэтического языка, искусную гармонию, и этот прекрасный беспорядок — существенное свойство жанра, который он преимущественно разрабатывал. А потому, хотя он был превосходителен в эпиграмме, хотя он дал образцы замечательных красок в поэмах, к несчастью неоконченных, он обязан в первую очередь своим одам тем бессмертием, которое он себе пророчил; и воздавая справедливую оценку его памяти — пусть это удивит некоторых предубежденных судей наших дней, — мы утверждаем, что для потомства он будет одним из трех великих лириков Франции» (Шенье имеет в виду Малерба и Ж.-Б. Руссо).

Чтобы охарактеризовать меру репутации Лебрена в годы создания «Вольности», приведу еще одно мнение о нем критика, напечатавшего несколько статей со специальной целью обличить недостатки Лебрена и унижить его славу. Это — Дюссо, критик газеты «*Journal des Débats*». В фельетоне 16 августа 1811 г. он писал: «Репутация Лебрена, которая не представляла ничего величественного до революции, невероятно возросла в эти годы, с которыми были в таком явном соотношении, — или, пользуясь выражением, возникшим в самые эти годы, находились в совершенной гармонии — и талант поэта, и характер его ума, и его стиль, и его манера: слава его выросла до размеров странного, причудливого призрака среди молчания критики и криков мятежников; ее внезапный и быстрый рост был бы не так подозрителен, если бы на нем была печать более спокойной эпохи, когда безумие всех родов не достигло бы всеяческого триумфа: Экушар Лебрен был Пиндаром в таком же роде, как Бруты и Публиколы его времени».

Итак, несмотря на споры, возникавшие вокруг его имени, Лебрен считался до начала двадцатых годов крупнейшим лириком революционной эпохи, и «возвышенное» (*sublime*) считалось одной из специфических черт его одических вдохновений.

Стихи Лебрена нередко переводились на русский язык. Так, в «Аонидах», кн. III, 1799, напечатаны два перевода од Лебрена, сделанных А. В. Храповицким (как рассказывает И. Дмитриев, они напечатаны по его настоянию).¹² В «Свитке муз» 1803 г. помещен отрывок из второй песни поэмы «*La Nature*» (переведенной В. Попугаевым, причем заголовок Лебрена «*La Liberté*» заменен другим: «Бог»); в «Вестнике Европы» 1811 г. П. Вяземский напечатал перевод анакреонтической оды (под названием

¹² Одну из од, переведенных Храповицким, перевел также В. Озеров. Его «Подражание Лебрену» представляет собой перевод (13 строф из 21) «Оды на энтузиазм» с присоединением трех оригинальных строф (о Цезаре, Петре и Ломоносове).

«Признанье»); в том же журнале в 1812 г. помещен перевод рассуждения Лебрена об оде; часто переводились эпиграммы Лебрена: Дмитриев перевел «On vient de me voler...» («Я разорился от воров»). Эту же эпиграмму перевели А. Измайлов и А. Илличевский; Батюшков — «O la maudite compagnie» («Всегдашний гость...»), Вяземский — «Pour mettre en pièces mon quadrain» («Моей рукой ты ранен был слегка»), «Que stupidité cotise» («Пусть остряков холодных тупость»), «Lubin, mon barbier» («Кто свяжется с цирюльником Лукою»), Д. И. Хвостов — «Non La Nagre au sergent...» (эту же эпиграмму перевел А. Илличевский), и др.

Из этой библиографической справки уже явствует, что имя Лебрена особенно часто встречается в сочетании с русскими именами карамзинистов. Популярность Лебрена в России явствует также из следующей эпиграммы И. Дмитриева, в которой имя Лебрена употреблено как нарицательное имя одописца (1801):

Гордись пред галлами, московский ты Парнас!
На место одного Лебрена, есть у нас
Херасков, Карамзин, князь Шаликов, Измайлов
и т. д.

Совершенно естественно заключить отсюда, что с ранних лет Пушкину было внушено, если и не почитание этого имени, то по крайней мере внимательное отношение к нему. К сожалению, в произведениях Пушкина мы не находим прямого отзыва об этом поэте. Однако знакомство с ним очевидно из тех немногих упоминаний, какие мы у него находим. В ноябре 1824 г. среди прочих заказов брату Пушкин просит выслать ему сочинения Лебрена (odes, élégies etc.).¹³ Делая пометки на полях «Опытов» Батюшкова, Пушкин немедленно отмечает на эпиграмме «Всегдашний гость...», что это перевод; оригинал ему был хорошо известен: он цитировал его в письме к Е. Хитрово 21 января 1831 г.

Отмечу некоторые моменты тематических встреч Пушкина и Лебрена, которые в своей совокупности приводят к выводу, что Пушкин читал Лебрена. Еще в лицее Пушкиным написано стихотворение «Рассудок и любовь» (1814) с видоизменяющимся рефреном, изображающим спор рассудка с любовью:

«Молчи, молчи!» рассудок говорил,
А плут Эрот: «Скажи, ты сердцу мил!»

На аналогичную тему имеется ода Лебрена: «Спор любви и рассудка» (Débat de l'Amour et de la Raison)

Amour me dit: Aime Lucile.
Raison me dit: Ne l'aime pas.¹⁴
(изд. 1811 г., т. I, стр. 297).

В стихотворении «Истина» (1816) Пушкин пишет, как мудрецы искали истину в колодце,

Но кто-то, смертных благодетель,
Подумал первый о вине
И, осушив до капли чашу,
Увидел истину на дне.

¹³ Несколько странным может показаться такой поздний интерес к Леброну, особенно к его элегиям (дело в том, что указание Пушкина на элегии не оправдывается библиографическим названием сочинений Лебрена; здесь скрыто не простое название нужной книги, а желание получить именно элегии). Объясняется это, повидимому, интересом к Андре Шенье, который был другом Лебрена и обменялся с ним посланиями. Пушкин, находившийся под обаянием элегий Шенье, естественно мог заинтересоваться элегиями его друга и литературного единомышленника (о чем можно было заключить по посланиям), элегиями, на которые он в свое время, вероятно, не обратил особого внимания.

¹⁴ Любовь сказала мне: люби Люцилию; рассудок сказал мне: не люби ее.

У Лебрена есть ода «A mes amis, dans un festin», которая заканчивается следующими двумя строфами:

Je sais qu'un Partisan de l'Onde
De son vain système entêté
Jadis, pour le malheur du Monde,
Rêva qu'au fond d'un puits logeait la Vérité.
Mais le Dieu charmant de la Treille
Pour déconcerter ce rêveur
La mit au fond de la bouteille
Et c'est là, chers Amis, qu'elle attend un Buveur.¹⁵
(изд. 1811 г., т. I, стр. 50).

В апокрифических мемуарах Смирновой приводится сообщение о фантастическом разговоре Пушкина, который будто бы, говоря о декабристах, прочитал наизусть французские стихи об Арионе:

Jeune Arion, bannis la crainte...¹⁶

Рассказ Смирновой не заслуживает, конечно, никакого доверия; стихи об Арионе отыскала она сама и выписала их, испортив перестановкой двух стихов. Это — строфа из оды Лебрена «Арион». Таким образом и эта тема является общей и для Пушкина и Лебрена. Надо отметить, что ода Лебрена точнее следует мифу, от которого Пушкин отступил, так как и не имел намерения пересказывать античный миф.

Отмечу еще, что Лебрен написал оду на мотивы Egegi monumentum Горация. И в данном случае можно говорить только о столкновении тем, так как, во-первых, ода Лебрена далеко отходит от Горация (и французские критики утверждали, что она превосходит латинский оригинал), а во-вторых, на русском языке создалась уже до Пушкина традиция подражаний этой латинской оде.

Наконец, можно с некоторым вероятноем отметить факт одного литературного воздействия стихов Лебрена на стихи Пушкина. Одним из наиболее популярных произведений Лебрена считалось его «Epiître sur la bonne et mauvaise plaisanterie». Даже по признанию его хулителя Дюссо, это послание относится к лучшим его произведениям. Даже Лагарп, с которым Лебрен в этом послании обошелся весьма жестоко, пишет в своем «Лицее»: «Послание о насмешке лучше оды Бюффону. Правда, и в нем

¹⁵ «Я знаю, что сторонник воды, упрямо пристрастный к своей системе, некогда, на беду всему миру, возмечтал, что истина живет на дне колодца. Но прелестный бог винограда, чтобы сойти с толку этого мечтателя, поместил ее на дно бутылки, и там, друзья мои, ждет она любителя выпить».

На эту же тему: «истина на дне колодца» имеется эпиграмма Лебрена, которую привожу потому, что это одно из немногих произведений поэта, где упоминается Россия

Quoi? dans un puits la Vérité!
Quel gîte pour une immortelle!
Eh bien! que ne voyage-t-elle,
Dira le Vulgaire hébété.
Voyager! ou? vers la Bastille?
En Russie un knout vous l'étrille;
Même à Londre elle est sans appuis;
On la grille en Terre papale;
Le Grand-Turc l'écorche ou l'empale:
Mieux vaut encor le fond du puits.
(Изд. 1811 г., т. III, стр. 216).

«Как! Истина в колодце? Что за пристанище для богини? Почему бы ей не путешествовать, — скажет тупая чернь. Путешествовать? Где? к Бастилии? В России ее дерут кнутом; даже в Лондоне она не находит покровительства, в Папской земле ее подкаривают; турецкий султан сдирает с нее кожу или сажает на кол: лучше уж оставаться на дне колодца».

¹⁶ «Юный Арион, прогони страх»...

имеются еще ошибки, стиль неровен, перегружен эпитетами и отвлеченностями; но в этом стихотворении имеются хорошо сделанные стихи».

Рассуждая на тему, какая насмешка допустима и какая нет, Лебрен восстает против литературной брани. На примере Лагарпа он показывает, как об нем можно сказать одно и то же, но разным способом:

De Laharpe, a-t-on dit, l'impertinent visage
Appelle le soufflet: ce mot n'est qu'un outrage.
Je veux qu'un trait plus doux, léger, inattendu,
Frappe l'orgueil d'un Fat plaisamment confondu.
Dites: ce froid Rimeur se caresse lui-même;
Au défaut du Publique il est juste qu'il s'aime;
Il s'est signé grand Homme et se dit Immortel
Au Mercure! Ces mots n'ont rien qui soit cruel.¹⁷
(изд. 1811 г., т. II, стр. 129).

Мало вероятно, что Пушкин не был знаком с этим произведением, поэтому мы имеем основание сблизить это место послания Лебрена с эпиграммой Пушкина «Журналами обиженный жестоко». В обоих случаях игра построена на двух «редакциях» брани — «неприличной» и допустимой в литературном обиходе. Конечно, здесь не приходится говорить ни о влиянии, ни о заимствовании, так как у Пушкина разработка этой темы дана в совершенно другом применении. Однако не исключена возможность, что именно знакомство с посланием Лебрена подсказало Пушкину сюжет его эпиграммы 1829 г.

В литературе о Пушкине имя Лебрена уже называлось. П. Е. Щеголев указывал на французский оборот стихов:

И гул дубрав горам передавал
Мои задумчивые звуки...

При этом он цитировал стихи Парни и к ним добавлял следующее:

«И приведенное нами трехстишие Парни характеризует не столько этого поэта, сколько вообще современную ему поэтику. Вот, к примеру, на ту же тему (влюбленный в разлуке повторяет имя милой, а эхо воспроизводит его) стихи из VIII элегии 4¹ книги знаменитого Пиндара XVIII века Лебрена (Ponce-Denis Ecouchard Le Brun, 1729—1807):

*Une sauvage Echo, du fond de ces bois sombres
Prolongeait mes accents, égarés sous leurs ombres
Les antres, les forêts, les rochers attendris
Plus sensibles qu'Eglé, répondaient à mes cris.*¹⁸

Мы не случайно привели пример из Лебрена. Кажется, имя его не было произнесено ни Пушкиным, ни в пушкинской литературе, и все же трудно предположить, чтобы Пушкин, при своем широком знакомстве с французской литературой, не знал этого прославленного его времени поэта. Любопытно отметить одну его довольно длинную элегию (2-ю в 3-й книге «Элегий»), в которой он умоляет Делию о свидании, обещая ей защиту Венеры и т. д. Содержание ее для нас неважно, но в ней есть один мотив:

Toi, Délie, ose fuir un Argus odieux,
Ose: Venus sourit aux coeurs audacieux.¹⁹

¹⁷ «Сказано, что нахальное лицо Лагарпа призывает оплеуху: это слово — просто оскорбление. Я бы хотел, чтобы замечание более мягкое, неожиданное поразило фата, смутив его смешным образом. Скажите: этот холодный рифмач сам себя ласкает: при отсутствии публики справедливо, чтобы он сам себя любил; он подписался в качестве великого человека и называет себя великим в Меркурии. В этих словах нет ничего жестокого» («Французский Меркурий» — «Mésure de France» — журнал, вышедший в 1793 г. под редакцией Лагарпа).

¹⁸ «Дикарка Эхо из глубины мрачного леса продлила мой голос, затерявшийся в его тени, пещеры, роши, скалы, умиленные и более чувствительные, чем Аглая, отвечали на мои восклицания».

¹⁹ «Ты, Делия, не бойся скрыться от ненавистного Аргуса, не бойся: Венера улыбкой поощряет смелые сердца».

Совпадение и самого мотива и имен (Делия, Аргус; вообще же эти имена часты во французской эротике) с теми, что встречаются в самом раннем его, известном нам стихотворении, очевидно и указывает на заимствование именно из этого источника».²⁰

Приводя эти замечания П. Е. Щеголева как первое упоминание Лебрена в связи с именем Пушкина, замечу, что зависимость стихов Пушкина от элегий Лебрена мало вероятна. Поиски параллельных мест приводят, вероятно, только к констатированию общих элегических формул и традиционных «фигур». Элегии Лебрена относятся к первому периоду его поэтической деятельности и принадлежат к литературной традиции, господствовавшей до Парни. Это — уснащенные цветами французской мифологической лирики подражания латинским элегикам. Для Пушкина элегия начинается с Парни, а потому нет основания предполагать не только влияния, но даже и основательного знакомства Пушкина с элегиями Лебрена.

Прежде чем перейти непосредственно к тем произведениям Лебрена, которые Пушкин имел в виду в своей «Вольности», остановлюсь еще на двух соображениях, которые выдвигались против имени Лебрена в данном контексте.

Первое возражение — это вопрос о понимании термина «гимны». Можно ли считать «гимны» синонимом «од»? Мною уже было сказано, что в поэтическом словоупотреблении нет ничего невозможного и в таком толковании термина. Даже в прозе терминология не так уже была устойчива.²¹ Вот, например, отзыв об одной оде Лебрена: «Tels sont les principaux traits de ce chant républicain, où, parmi quelques légères négligences, il y a plus de vraie poésie que dans tout ce qu'on nous a donné depuis longtemps sous les titres ambitieux et menteurs d'odes, d'hymnes, de dithyrambes»²² («Moniteur», 6 февраля 1793). В рецензии говорится об оде в строгом смысле этого слова, написанной по всем правилам классических од (Ode patriotique sur les évènements de l'année 1792, depuis le 10 août jusqu'au 13 novembre), и за пределами цитированного места она везде в рецензии именуется просто одой. Следовательно, если позволительно оду назвать «песнью», то также вполне допустимо назвать ее гимном. Не следует забывать, кроме того, что именно в революционное время Лебрен написал и несколько гимнов в точном смысле этого слова. Таков гимн «La Bataille de Fleurus», исполнявшийся на праздновании 11 мессидора II года, «Chant du banquet républicain pour la fête de la Victoire» (музыка Кателя для хора с духовым оркестром, 10 прериаля IV года), «Chant dithyrambique pour les fêtes de la Liberté» (9 термидора VI года), «Hymne pour le 21 janvier» (музыка Бертона, 2 пловиоза VII года).

²⁰ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, 1931, стр. 183, впервые в изд. «Пушкин и его современники», вып. XIV, 1911, стр. 99—100, и вслед за тем в сборнике «Пушкин», 1912, стр. 86.

²¹ В поэтиках XVIII и начала XIX века термин «гимн» определяется различно. Иногда он фигурирует просто как синоним оды («Le mot *Ode* signifie *Chant*, *Chanson*, *Hymne*, *Cantique*», пишет Домерон в поэтике 1804 г. и более к термину гимн не возвращается), иногда как синоним духовной оды (в этом смысле примером гимна служила ода «Бог» Державина), иногда как синоним высокой оды, независимо от признака пения. Наконец, в лексике того времени, в несколько приподнятом стиле, слово «гимн» употреблялось в применении к любому лирическому стихотворению: «Другой поэт, с каждым новым гимном похищающий новые лавры...» — так характеризовался Пушкин по поводу выхода в свет первого собрания стихотворений в 1826 г. В. В. Измайловым («Краткое обозрение 1826 г.» в альманахе «Литературный музей» на 1827 г., стр. 25). Если это могло быть сказано в прозаической статье в 1827 г., то тем более в стихах одического стиля в 1817 г. данное слово могло быть взято в самом обобщающем значении.

²² «Таковы основные черты этого революционного песнопения, в котором, среди нескольких легких небрежностей, находится больше истинной поэзии, чем во всем, что нам преподносят уже давно под пышными и обманчивыми названиями од, гимнов и дифирамбов».

Наконец, цитированный в начале настоящей статьи приказ Директории прямо указывает на произведения Лебрена, исполнявшиеся во время празднеств, т. е. на гимны в узком смысле слова. Причем там указано, что до V года республики таких произведений было исполнено семь, а Лебрен продолжал писать революционные гимны и после этой даты. Следовательно, само количество гимнов Лебрена не так уж мало.

Однако, повторяю, было бы ошибкою ограничивать слова Пушкина исключительно этими гимнами, потому что и в бытовом отношении не делали большой разницы между одами и гимнами. Так, одну оду Лебрена, посвященную Бюффону, положила на музыку *m-lle de Beauménil*, и небезызвестная Жанлис пропела ее перед Бюффоном.

Возникает другой вопрос: могли ли быть Пушкину известны революционные оды Лебрена? Собственно этот вопрос может возникнуть по отношению к любому поэту, поставленному на место Лебрена: революционные оды в России не пользовались благосклонностью цензуры и не имели открытого распространения. Однако не следует преувеличивать значения запрета на подобного рода произведения. Все-таки какие-то «смелые гимны» «возвышенного галла» Пушкин знал и, значит, эти произведения до него доходили. Надо было обладать наивностью Бенкендорфа, чтобы серьезно добиваться, откуда Пушкин с Дельвигом могли знать слова революционной песни *Ça ira*, процитированные ими в «Литературной газете».

Сочинения Лебрена вышли в четырех томах в 1811 г.²³ В это издание не вошли его революционные оды, кроме одной самой известной из них («*Sur le vaisseau Le Vengeur*»). Редактор издания Женгене писал: «Не зовет удивления полное отсутствие в этом томе некоторого количества весьма известных од, может быть для многих единственно известных им од автора. Они уже давно напечатаны и находятся у всех на руках. Но из соображений, которых нет нужды здесь излагать, они в данное издание не могли войти». Но оды Лебрена сохранились не только в его сочинениях 1811 г. Они печатались в популярных изданиях, например, в «Альманахах муз», достаточно представленных в частных собраниях начала XIX века, несколько его од помещено на страницах «Монитора», а коллекции этой газеты за годы революции тоже не были такой редкостью. Газета эта считалась главным историческим источником по годам революции; комплекты ее подбирались и находились в продаже (во Франции). Были они и в России. Можно думать, например, что такой комплект номеров «Монитора» был у Михаила Орлова. По крайней мере по выходе в свет книги Жозефа де-Местра «*Considération sur la France*» в 1814 г. Орлов написал автору восторженное письмо (оно напечатано в позднейших переизданиях книги де-Местра), в котором сопоставлял книгу с «много-томными» комплектами революционного «Монитора» и характеризовал эту газету как «сборник человеческой мудрости и свидетельство о ее бедности», где «записаны усилия людей, действия и слова, и ничтожность этих усилий». Такая характеристика не оставляет никаких сомнений, что «Монитор» ему был доступен. Если же вспомнить роль Орлова в «Арзамасе», то становится вероятным и для Пушкина знакомство с газетой за годы революции. Наконец, следует считаться с возможностью распро-

²³ Oeuvres de Ponce Denis (Ecouchard) Le Brun, membre de l'Institut de France et de la Légion d'Honneur, mises en ordre et publiées par P. L. Ginguené. С эпиграфом:

Malin, tendre, sublime, à l'immortalité
Il consacra les sots, l'amour, la liberté.

P. Chaussard.

«Лукавый, нежный, возвышенный, он передал бессмертию глупцов, любовь, свободу». — П. Шоссар (1766—1826).

странения революционных произведений в рукописях — явление обычное в начале века.

Характеризуя лицейстов, Булгарин в 1826 г. писал: «Молодой вертопрах должен... знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском — знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений». ²⁴ Произведения Лебрена входили, конечно, в число «самых дерзких и возмутительных стихов».

Как бы то ни было, популярность имени Лебрена была такова, что вряд ли его произведения были большой редкостью; так или иначе, они должны были доходить до читателя. Поэтому в рассмотрении его революционного творчества нет необходимости ограничиваться одами, вошедшими в собрание 1811 г.

Еще одно возражение может возникнуть. Можно ли оды Лебрена назвать «смелыми»: являлось ли смелостью воспевать революцию при революционном режиме и проявил ли он достаточную смелость в своем личном политическом поведении?

Распространено было мнение о политической переметчивости (*versatilité*) Лебрена. Едва ли не главным поводом к этому мнению послужила популярная эпиграмма Дезорга, цитируемая всякий раз, как заходит речь о Лебрена:

Oui, le fléau le plus funeste
D'une lyre banale obtiendrait les accords;
Si la peste avait des trésors,
Lebrun serait soudain le chantre de la peste. ²⁵

Этой эпиграммой можно объяснить появление имени Лебрена в известном «Словаре флюгарок» (*Dictionnaire des Girouettes*), появившемся в 1815 г., после второй реставрации Бурбонов.

Однако не следует упускать из виду, что Дезорг был сам плохим судьей в деле переметчивости. По крайней мере он воспевал все то, что воспевал и Лебрен: и революцию во всех ее стадиях и победы Наполеона. А отношения Лебрена с Дезоргом характеризуются многочисленными эпиграммами, писанными против Дезорга Лебреном. Дезорг был одной из жертв неистощимой желчности Лебрена, и он отомстил ему тем же оружием. Таким образом показания Дезорга являются сугубо субъективными. По существу он совершенно не прав: не материальная заинтересованность привела Лебрена к революционным гимнам: с наступлением революции он не приобрел сокровищ, а, наоборот, лишился своих прежних доходов.

Не слишком убедительны и факты, которыми располагает автор «Словаря флюгарок» (*comte César de Proisy d'Erpes*, издавший свой словарь анонимно). Заметочка в словаре не велика. Приведем ее, опуская цитаты. Имя Лебрена сопровождается двумя флажками (мера его переметчивости; максимальное количество флажков в словаре — двенадцать: это количество мы находим при именах Фуше, Талейрана и некоторых других). Текст заметки таков:

«Секретарь князя Конти, великого приора Франции (1782); в 1783 г. появилась его ода «*Les Rois*». Строфы этой оды ничем не похожи на строфы другой его оды: *Ode patriotique sur les événements de l'année 1792*. Сборник революционных стихотворений покойного Лебрена был весьма объемист. Он кончил тем, что посвятил свою музу хвалам Наполеону, сперва похвалив его как военачальника:

²⁴ «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного», записка «единственно для высочайшего сведения». См. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», 3-е изд., 1925, стр. 36.

²⁵ «Да, самый гибельный бич будет встречен аккордами банальной лиры; если бы у чумы были сокровища, Лебрен сразу стал бы певцом чумы».

Et l'heureux Bonaparte est trop grand pour descendre
Jusqu'au trône des rois.²⁶

Лебрен опять переменял язык, когда он увидел, как император спустился до трона королей (см. последние его оды).

Заметка заключается эпиграммой Дезорга.

Итак, обвинение сводится к тому, что Лебрен писал оды при трех режимах. Но суть заключалась не в том, что Лебрен и его современники-поэты оставались на родине, не эмигрируя, а в том, кто из них при всех режимах сохранил единство политической линии, не встречая каждый переворот одинаковыми восторгами и предательством. Между тем, Лебрен никогда не выражал ни поспешной торопливости, ни услужливой готовности в своих одах. Его раздражительный характер и едкие эпиграммы нажили ему много врагов. Победа реакционно-монархического режима Бурбонов содействовала тому, что память этого певца революции предана была поруганию. Прямые нападения на его революционные оды прикрывались также литературными нападками на «пиндарический» стиль и злоупотребление метафорами и всякого рода риторическими украшениями. Литературная борьба прикрывала борьбу политическую. Однако в кругах не реакционного настроения никто не упрекал Лебрена ни в продажности, ни в переметчивости. Никто не оспаривал характеристику, которую он дал сам себе в следующей антологической эпиграмме:

Souvent j'aurais pu m'enrichir:
Des Biens on m'eût ouvert la source;
Je ne daignais jamais fléchir;
Et, toujours prêt à s'affranchir,
Mon Courage fut ma ressource.
Très dupe, avec un air malin
Jamais n'ourdis de noire trame.
Sans haine, sans fiel, sans desseïn,
Mon dépit lance l'Epigramme:
J'ai le Coeur bête, et l'Esprit fin.²⁷

Это осознание своей смелости должно быть принято во внимание.²⁸

²⁶ «И счастливый Бонапарт слишком велик, чтобы спуститься до королевского трона».

²⁷ «Часто я мог обогатиться; мне бы открылся источник благ; я никогда не снисходил до того, чтобы преклониться; и, всегда памятуя о независимости, укреплялся в своем мужестве. Весьма доверчивый, вопреки кажущемуся моему лукавству, никогда не плел я никаких пуг. Без гнева, без желчи, без преднамеренности моя досада бросает эпиграмму: у меня глупое сердце и острый ум».

²⁸ Независимость Лебрена от каких бы то ни было побуждений материального порядка доказывает фактами редактор издания сочинений Лебрена Женгене (Notice biographique, pp. XXVII и след.). Когда Лебрен писал революционные оды, ему приходилось из нужды распродавать свою библиотеку. Это послужило сюжетом очерка «Библиотека Лебрена» в сборнике повестей J. N. Bouilly «Les Encouragements de la jeunesse». В книге Буйи, предназначенной для воспитанников лицеев, вышедшей в свет в 1814 г., содержится апологетическая характеристика од Лебрена и личности их автора: «Изучать этого великого поэта надо по его одам; они показывают настоящую меру его гения. В этом жанре он поднялся до высшей степени. После Жана-Батиста Руссо никто на французском Парнасе еще не владел лирой Пиндара с таким блеском. Превосходя своего предшественника облием, Лебрен почти всегда так же правилен и часто более возвышен. Его полет простирается до небес, и парение его поражает смелостью и внушает уважение настойчивостью»... «Такова была сила его благородного характера, что чем тяжелее становилась его судьба, тем упорнее сопротивлялся он ее жестокости и тем более предавался пиндарическому вдохновению. В эту-то замечательную эпоху он создал лучшие произведения: в тесном углу, питаясь простым хлебом, написал он свою оду об энтузиазме и поэму «Парнасские досуги». Никогда его гордость не склонялась перед угрозой нищеты; наоборот, тогда именно обрел он непрерывность в развитии идей, возвышенность слога и вдохновения. Ибо достоинство никогда не склоняется и представляет ползающей посредственности право подбирать милости».

Впрочем, в тексте Пушкина эпитет «смелый» отнесен не к автору, а к гимнам. Оды Лебрена были поэтическим выражением французской революции и выражали смелость самой революции.

В действительности, Лебрен воспевал свободу задолго до революции, конечно, не в тех формах, в каких он ее воспевал после 1789 г. Однако репутация поэта свободолюбивого была у него и до революции. Отрывки из поэмы «О природе», среди которых имеется песнь о свободе, предшествовали революционным событиям. Его ода «Les Rois», которую ему инкриминирует «Словарь флюгарок», написана в 1783 г., а напечатана уже в начале революции, в 1789 г. Следовательно, сам автор в ней не видел ничего противоречащего его новым идеям. И в самом деле, наряду с изображением идеальных монархов, Лебрен включил туда и следующую строфу:

Tyrans! Les Nations sommeillent...
Ah! si jamais ils se réveillent
Ces peuples souverains détrônés par les rois!
Si les abus de la puissance
Rendaient à l'homme enfin le premier de ses droits,
La douce et fière indépendance!
Oh! qu'alors ma lyre superbe,
Rival des chants de Malherbe,
Aimerait à conter nos maux évanouis!..²⁹

Равно надо знать и меру его революционных убеждений. Лебрен пел свои оды на всех этапах развития революции. Он воспевал мероприятия революционной власти и борьбу революционного народа с внешним натиском контрреволюционной коалиции. В трудной обстановке революционной борьбы, которой угрожает вторжение извне, он совершенно искренно оставался на посту поэта народных празднеств и возбуждал народный патриотизм независимо от того, кто именно в данный момент имел перевес. Так же поступал и его друг Мари-Жозеф Шенье. Но оба они, проникнувшись при Конвенте идеями якобинства и монтаньярства, в то же время не примыкали к группе Робеспьера. В частности, например, М.-Ж. Шенье рассматривал казнь своего брата Андре́ как удар сторонников Робеспьера против него самого. Оба они были типичными термидорианцами, но не из «болота», а из монтаньяров. Поэтому оба они проповедовали весьма левые взгляды, но одновременно протестовали против тактики террора, поскольку террор исходил из политической группировки, им чуждой. Поэтому у того и у другого мы найдем стихотворные lamentations против режима якобинской диктатуры, возглавлявшейся Робеспьером. Так, М.-Ж. Шенье написал оду «Sur la Situation de la République Française, durant la démagogie de Robespierre et de ses complices» (Prairial, an second de la République. — Juin 1794), а Лебрен — оду: «Chant d'un philanthrope pendant les Horreurs de l'anarchie»; кроме того, он охарактеризовал этот период в эпиграмме:

Bon dieu! l'aimable siècle où l'homme dit à l'homme:
Soyons frères... ou je t'assomme! ³⁰
(изд. 1811 г., т. III, стр. 233).

В эпоху, когда процветала система так называемых *dénonciations civiques*, Лебрен писал:

²⁹ «Тираны, народы дремлют... А, если бы они проснулись, эти властительные народы, отстраненные от власти королями, если бы злоупотребления властью вернули бы людям их исконное право, мирную и гордую независимость! О, как бы тогда моя возвышенная лира, соревнуясь с песнями Малерба, воспела бы конец наших бед».

³⁰ «Боже, любезный век, когда человек говорит человеку: будем братьями... или я тебя укоюшу».

J'aime qu'on soit bref et juste en réponse.
 Au plus méchant des méchants Barbouilleurs,
 Au plus braillard des braillards Bredouilleurs
 Quelqu'un disait: Toi qui n'as pas une once
 De vrai talent, et pas un sou d'ailleurs,
 Comment vis-tu? que fais-tu? — Je dénonce.³¹
 (изд. 1811 г., т. III, стр. 113).

И Шенье и Лебрен в числе других якобинцев приветствовали брюмер. Но и в этом не было измены убеждениям. Как пишет биограф Шенье в *Biographie nouvelle des contemporains*, 1822 г., «Шенье вошел в заговор 18 брюмера; но доказано, что этим он стремился к ниспровержению Директории, а не к возвышению Бонапарта». Олар в своей «Политической истории французской революции» говорит: «Наиболее видные умы того времени, Бертоле, Монж, Лаплас, Шапталь, Кабанис, Мари-Жозеф Шенье, ученые, поэты и мыслители были убеждены в том, что этот молодой генерал, математик и философ, организует республику по их мечтаньям» (*Histoire politique de la Révolution Française*, 1901, р. 694). Шенье попал в ряды оппозиции республиканского направления. Стихи Бонапарту, приведенные в «Словаре флюгарок», доказывают, что Лебрен разделял убеждения своего друга и единомышленника и не стремился к тому, чтобы Наполеон «спустился до трона королей». И сам автор словаря довольствуется голословным намеком на изменение политического тона в позднейших одах Лебрена, не имея возможности процитировать что-либо убедительное в этом отношении.

При Наполеоне положение Лебрена улучшилось: в то время как при Директории он был выселен из предоставленной ему квартиры (не слишком роскошной: только из двух комнат), Наполеон декретом от 12 мая 1806 г. наградил за его труды ежегодной пенсией в 6 000 франков.³² Но это объясняется не тем, что Наполеон оплачивал уже оказанные ему услуги, а тем, что в его интересах было привлечь на свою сторону республиканскую оппозицию, особенно в лице писателей и ученых, которых он, тем не менее, не долюбивал как «идеологов». Конечно, Лебрен был для него безвреден. Поэт продолжал воспевать победы французского оружия и гениального полководца французских войск. Иногда он отпущал мадригальные комплименты, например:

Que sert à mon héros la muse qui m'inspire?
 Ses exploits l'ont chanté mieux que n'eût fait ma lyre.³³
 (изд. 1811 г., т. III, стр. 278).

Похвала довольно тощя. Этим почти и ограничивалась деятельность Лебрена в эпоху Империи, что составляло резкий контраст в сравнении с его плодovitостью при республике. «Лебрен оставил лиру» (*Lebrun a déposé sa lyre*), писал Вине, характеризуя состояние поэзии при Наполеоне. А в то время желчь не покидала Лебрена, несмотря на его семь-

³¹ «Люблю краткость и точность ответа. Самому скверному из скверных пачкунов, самому крикливому из крикливых болтунов кто-то сказал: как это ты, не имея ни золотника истинного таланта, и вообще ни гроша, как ты живешь, что делаешь? — Доношу».

³² По поводу пенсии, полученной Лебреном за полтора года до смерти, существует предание, что она является результатом ошибки Наполеона: 5 ноября 1805 г. появилась ода «A la grande Armée», автором которой был Pierre Lebrun (1785—1872), еще ничем себя до того не заявивший. Наполеон, полагавший, что оду эту написал Экушар Лебрен, распорядился назначить ему пенсию в 6000 фр. Ошибка вскоре разъяснилась, и молодой поэт, тогда еще студент Сен-Сира, получил также пенсию, но только в размере 1200 фр. Обилие среди писателей однофамильцев, носивших имя Лебрен, приводило к тому, что их смешивали. В частности, ошибку Наполеона повторил комментатор сочинений Батюшкова Л. Н. Майков, приписавший Пьеру Лебрену эпиграммы Экушара, переведенные Батюшковым; за Майковым эта ошибка повторена и в позднейших изданиях Батюшкова.

³³ «Для чего моему герою вдохновляющая меня муза!
 Его подвиги прославляют его лучше, чем моя лира».

десять слишком лет. Режим Наполеона вызывал протест в душе старого вольнолюбца. Им была пущена эпиграмма, появившаяся в печати значительно позднее. Она направлена против фельетониста из «Journal des Débats», небезызвестного Жоффруа, французского Булгарина:

Si l'empereur faisait un pet,
Geoffroy dirait qu'il sent la rose,
Et le Sénat aspirerait
A l'honneur de prouver la chose.³⁴

Это несколько уравнивает вынужденные похвалы Бонапарту. Лебрен жил и умер вольнолюбивым поклонником республики, ненавидящим тиранов.³⁵

Впрочем, вопрос об уместности эпитета «смелые» по отношению к произведениям Лебрена разрешается следующей цитатой из поэтики, напечатанной при втором издании «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах» 1821 г. и писанной Иосифом Евс. Срезневским (дядей академика). Там в первом томе на стр. LXV мы читаем: «Лебрень (Lebrun) весьма известен по своим смелым одам».

Чтобы составить себе некоторое представление о революционных одах Лебрена, необходимо учитывать следующее обстоятельство: резкость революционного тона его од еще не свидетельствует о крайности его политических идеалов. Лебрен принимал революцию во всех стадиях ее развития как пламенный «патриот», в революционном значении этого слова. Он ждал именно от революции победы своих политических идеалов вольности и равенства, а, во-вторых, он видел опасность внешнего нашествия. Своей лирикой он стремился поднять силу сопротивления своей страны.

По существу же Лебрен был либерален в духе свободомыслящих людей старого порядка. Его политические идеалы происходили от Монтескье. В оде своему другу Бюффону «Sur les détracteurs» (На злословящих) он писал:

Le croirez-vous, Races futures?
J'ai vu Zoïle aux mains impures,
Zoïle outrager Montesquieu!
Mais quand la Parque inexorable
Frappa cet Homme irréparable,
Nos regrets en firent un Dieu.³⁶
(изд. 1811 г., т. I, стр. 8).

В поэме «Природа», вспоминая век Людовика XIV, он говорил:

... un siècle ouvert par Richelieu,
Donne en fermant son cours Voltaire et Montesquieu,
Nobles et derniers fruits du plus brillant des âges!³⁷

³⁴ См. V. de Bled, Le Prince de Ligne et ses contemporains, 1890, p. 214 (ст. Lebrun-Pindar).

³⁵ «Если император согрешит, Жоффруа заявит, что он чувствует запах розы, а сенат учует случай получить честь доказать это».

³⁶ Не забудем, что при Лебрене, который умер 2 сентября 1807 г., Франция официально именовалась еще республикой. С мая 1804 г. Наполеон был провозглашен императором в качестве главы республики. Слово «республика» исчезло из официального употребления только в конце 1808 г. Таким образом, и в тех трех одах, которые Лебрен написал во время консульства и империи, он не воспевал монархии.

³⁷ «Поверите ли вы, грядущие поколения? Я видел Зоила с грязными руками, который поносил Монтескье! Но когда неумолимая Парка поразила этого незаменимого человека, наша скорбь причислила его к богам».

³⁸ «Век, открывающийся Ришелье, в конце своего течения являет Вольтера и Монтескье, благородные и последние плоды самой блестящей из эпох».

Имя Монтескье с большим уважением приносилось деятелями Революции. Дантон предпочитал его Ж.-Ж. Руссо. Доказательству, что учение Монтескье приводит

В ином тоне писал Лебрэн о Дидро:

Lors Diderot, Charlatant philosophe,
Mêlant parfois Socrate à l'Arétin,
Et des Bijoux Romancier libertin,
Gonflé d'emphase, ampoulant l'apostrophe,
Sur ses tréteaux criait d'un grave ton:
«Je me souviens d'avoir été Platon
Et je prétends, d'une main plus hardie,
Echafaudant mon Encyclopédie
Sur maint volume, exhaussé jusqu'aux Cieux
Régir les Rois et gourmander les Dieux».
Il dit, on bâille; et voulant être impie,
Qui le croirait? il ne fut qu'ennuyeux.³⁸
(изд. 1811 г., т. II, стр. 230—231).

Против Энциклопедии Лебрэн писал эпиграммы. Несколько снисходительнее он относился к Ж.-Ж. Руссо, но и о нем писал без всякого уважения.

Le Génévois, ce sublime Erostrate,
Qui des Beaux-Arts, dont il était honneur,
Brûla le Temple; et fuyant le Bonheur
Trouva la Gloire, Amante trop ingrate,
Par vanité s'érigeant en Vaurien,
Disait tout bas: «Je suis le vrai Socrate»;
Et cependant mon Rêveur n'en crut rien,
Mais on pardonne à qui rêve si bien.³⁹
(изд. 1811 г., т. II, стр. 231).

В лирике Лебрэна изобилуют мотивы одиночества на лоне природы: пребывание в сельском уединении он систематически противопоставляет городской суете и обольщению богатством. Но эта проповедь не смыкается с идеями Руссо. Лебрэн отнюдь не сторонник первобытного уклада жизни. Напротив, новейшие достижения цивилизации, научные открытия и изобретения часто являются предметом его од.

С одной стороны, в оде «Против роскоши» Лебрэн пишет:

Heureux! cent fois heureux, aux bords d'une Onde pure
Celui qui, rejetant un Luxe empoisonneur
Sait cultiver en paix les Biens de la Nature
Dans le silence du Bonheur!⁴⁰
(изд. 1811 г., т. I, стр. 316).

С другой стороны, он везде прославляет силу побеждающего гения, подчиняющего себе мир:

Disparais, limite insensée,
Qu'au noble essor de la Pensée
Oppose un Vulgaire odieux!
Il est de nouvelles Conquêtes;
Il est des Palmes toujours prêtes

к утверждению преимуществ республиканского строя, посвящена речь Goupil de Préfein в Совете старейшин 12 вантоза IV года (2 марта 1796 г.). Национальное собрание, обсуждая вопрос, чьи бюсты должны украшать Законодательное собрание, остановилось на именах Вольтера, Руссо, Монтескье и Мабли (май 1791 г.).

³⁸ «Вот Дидро, философ-шарлатан, смешивая Сократа с Аретином, фривольный романист «Драгоценностей», надувшись напыщенностью и риторическими восклицаниями, на своих подмостках кричал важным тоном: «Я вспоминаю, как был Платоном, и притязая на то, чтобы более смелой рукой, нагромождая Энциклопедию том на том до небес, управлять королями и распекать богов». Сказал, зевают; и желая быть нечестивым — кто бы поверил? — он только скучен».

³⁹ «Женевец, возвышенный Герострат, сжегший храм искусств, гордостью которого был он сам, скрываясь от счастья, нашел славу, слишком неблагодарную любовницу, из чванства представляясь бездельником, говорил про себя: я истинный Сократ; в то же время мечтатель в это не верил; но можно простить тому, кто так хорошо мечтает».

⁴⁰ «Счастлив, стократ счастлив, кто, на берегу чистых вод, оставив яд роскоши, умеет в тишине возделывать блага природы в молчании счастья».

Pour le Génie audacieux.

(Les conquêtes de l'homme sur la nature,⁴¹
изд. 1811 г., т. I, стр. 337).

Cet Astre, Roi du Jour au brûlant Diadème
Lance d'aveugles Feux, et s'ignore lui-même
Esclave étincelant sur le Trône des Airs;
Mais l'Astre du Génie, intelligente Flamme,
Rayon sacré de l'âme,
A sa libre Pensée asservit l'Univers.⁴²

(A monsieur de Buffon, изд. 1811 г., т. I, стр. 114).

Политические идеи одической поэзии Лебрена не блещут разнообразием по тематике. Они переходят из одного произведения в другое, мало изменяясь. Наряду с общими местами проповеди вольности, он часто возвращается к теме преступлений, совершенных королями. Обыкновенно при этом фигурирует имя Карла IX и упоминается Варфоломеевская ночь. Наряду с Карлом IX встречается и упоминание Людовика XV. Так, еще до революции в послании к министру Калонну Лебрен писал:

Que dis-je? c'était peu que d'être ruiné;
J'ai vu de Dubarri l'Esclave couronné,
Du nom Français alors flétrir toute la gloire,
Et loin de nos drapeaux exiler la Victoire.
Je l'ai vu s'endormant au bruit de nos revers,
De ses honteux exploits remplir son parc de Cerfs.⁴³
(изд. 1811 г., т. II, стр. 235).

Эти темы перешли и в революционную лирику Лебрена.

Лебрен встретил революцию опубликованием отрывков из поэмы «Природа», которую он начал писать еще в 1770 г., но не кончил ее. В первом отрывке он касается Карла IX:

Contre la Nation lâche conspirateur,
Devant tout l'avenir mon vers accusateur
Traîne sur l'échafaud ta mémoire insolente,
Du meurtre de ton peuple encor toute sanglante;
Et sur ton trône affreux je grave de ma main;
De ses propres sujets Charles fut l'assassin.⁴⁴

Любопытно, что в том же 1789 г. друг Лебрена Мари-Жозеф Шенье поставил трагедию «Карл IX, или Варфоломеевская ночь».

В следующем, 1790 г. появились другие отрывки из поэмы. В них между прочим читаем:

Déesse des grands coeurs, Liberté que j'adore,
Ahl que n'as-tu plongé dans l'horreur des enfers
Le premier qui reçut ou qui donna des fers!
L'homme à l'homme est égal. O mortelle infamie!

⁴¹ «Исчезни, бессмысленный предел, полагаемый ненавистной чернью благородному полету мысли. Есть еще новые победы, есть еще готовые лавры для отважного гения» (Победы человека над природой).

⁴² «Это светило, царь света в пылающем венце, бросает слепые лучи, не сознавая себя, блистающий раб на воздушном престоле; но светило гения, мыслящее пламя, священный луч души, покоряет свободной мысли вселенную» (Бюфону).

⁴³ «Мало того, разорения было недостаточно; я видел, как увенчанный раб Дюбарри позорил славу Французского имени и далеко отстранял победу от наших знамен, я видел, как он, усыпаясь при шуме наших неудач, наполнял своими позорными приключениями Олений парк».

Ср. «Оду на состояние упадка Французской монархии во второй половине царствования Людовика XV», изд. 1811 г., 1, стр. 152—154.

⁴⁴ «Ты, гнусный заговорщик против нации, пред лицом будущего мой обвинительный стих повлечет на плаху твою позорную память, еще кровавую от избиения своего народа; и на твоём ужасном престоле я надпишу своей рукой: Карл был убийцей собственных подданных».

С небольшими изменениями двух последних стихов см. изд. 1811 г., т. II, стр. 309.

L'homme a reçu de l'homme une chaîne ennemie:
L'un vendit l'univers par trop de lâcheté,
L'autre, plus lâche encor, crut l'avoir acheté.⁴⁵

Главным революционным произведением Лебрена считается его «Ode patriotique sur les événements de l'année 1792, depuis le 10 août jusqu'au 13 novembre».⁴⁶ Ода эта была издана отдельной брошюрой и затем включена в «Альманах муз». Автор начинает:

C'est depuis longtemps que ma lyre,
Amante de l'égalité,
Préluait à la liberté
Dans son prophétique délire.
Ces jours prédits à nos neveux
Devançant et comblent nos vœux;
Ma lyre n'est point mensongère:
Le souverain reprend ses droits,
Et leur couronne passagère
Expire sur le front des rois.⁴⁷

Далее следуют строфы, обращенные к Людовику XVI и Марии Антуанетте (*couple trop fallacieux*)⁴⁸ и посвященные процессу короля. Предсказывая казнь короля, Лебрен переходит к перечислению преступлений, совершенных королями против народов. На первом месте фигурирует Карл IX. Далее излагаются военные события. Касаясь сражения при Жемап, автор говорит:

Non, non, rien n'est inaccessible
A qui prétend vaincre ou périr.
Ce cri *vivre libre ou mourir!*
Est le serment d'être invincible.⁴⁹

Ода заканчивается призывом очистить землю от трупов тиранов.

Отдельные строфы этой оды Лебрен включил в гимн по поводу сражения при Флерюсе (26 июня 1794 г.). Повидимому, подобное перенесение строф из од в гимны и обратно Лебрен практиковал и по отношению к другим своим революционным произведениям. Так, в значительной части строф одна из его од совпадает с «Гимном о 21 января» (годовщина казни Людовика), исполнявшимся в 1799 г. Этот гимн начинается:

Les flammes de l'Etna sur ses laves antiques
Ne cessent de verser des flots plus dévorants:
Des monstres couronnés les fureurs despotiques
Ne cessent d'ajouter aux forfaits des tyrans.
S'il en est qui veulent un maître,
De rois en rois dans l'univers,
Qu'ils aillent mendier des fers,
Ces Français, indignes de l'être.⁵⁰

⁴⁵ «Богиня сильных сердец, Свобода, которую я обожаю, ах, почему ты не погрузила в ужас ада первого, кто принял или кто наложил железа! Человек человеку равен. О смертельный позор! Человек принял от человека враждебную цепь: один продал мир от избытка подлости, другой, еще подлее, думал, что купил его». (Любопытна в данном контексте формула «человек человеку»; ср. эпиграмму на 39 стр. У Пушкина та же формула в «Анчаре»).

⁴⁶ 10 августа отстранение Людовика от престола, 13 ноября — начало прений по его процессу в Конвенте.

⁴⁷ «Уже давно моя лира, любовница равенства, приветствовала свободу в пророческих видениях. Эти дни, предсказанные грядущему поколению, опередили и с избытком исполнили наши желания; моя лира не лжива: верховный народ вернул себе права, и преходящий венец истлел на челе королей».

⁴⁸ «Чета слишком фальшивая».

⁴⁹ «Нет, нет, ничего нет недоступного тому, кто решил победить или погибнуть. Этот крик «жить свободным или умереть» — есть клятва в непобедимости».

⁵⁰ «Пламя Этны на древнюю лаву продолжает изливаться валы еще более пожирающие. Увенчаные злодеи в деспотической ярости продолжают накапливать преступления тиранов. Если есть такие, кто ищет хозяина среди королей во всемирной, пусть они отправляются клянуть оковы, французы, недостойные быть ими».

Далее следуют строфы, в которых говорится о действиях второй коалиции, и ставится вопрос о праве нации судить и казнить короля.

Rien n'absout les tyrans; quand un roi fut rebelle,
Toujours la nation put dicter son trépas;
La voix du peuple entier n'est jamais criminelle;
Et nous le sommes tous, si Louis ne l'est pas.⁵¹

В аналогичных выражениях говорится о смерти Марии Антуанетты, после чего следуют строфы, содержащие политические сентенции:

Sur leurs restes sanglants la monarchie expire;
Siècles de servitude, un jour brise vos fers!
Au sceptre usurpateur succède un juste empire.
République! tu nais pour venger l'univers.
S'il en est, etc...
Ahl pour être à jamais triomphante et paisible
Donne au mérite seul les rangs et les emplois:
Mère d'enfants égaux, sois une, indivisible,
Mais que ta liberté soit esclave des lois.
S'il en est, etc...⁵²

Гимн замыкается двумя строфами, где опять упоминается Варфоломеевская ночь и Карл IX — король-палач:

Oui! consacrons nos mains dans le sang des perfides.
Pour venger son pays tout Français est soldat;
Mais laissons aux tyrans les poignards homicides,
Et d'un peuple égorgé le vaste assassinat.
S'il en est, etc...
Un roi de ces horreurs peut seul être capable:
Tel fut ce roi bourreau qu'on nomme en frémissant;
Mais un peuple! sa loi doit punir le coupable:
Le frapper sans Thémis, c'est le rendre innocent.
S'il en est, etc...⁵³

В оде, являющейся развитием данного гимна (и отличающейся от него отсутствием припева), тема законности и справедливости изложена еще в ряде строф:

Tout empire sans doute a des moments extrêmes,
Ou la nécessité commande la rigueur:
Sauvez le peuple alors; voilà nos lois suprêmes,
Mais il faut que le fer soit juste en sa fureur,⁵⁴
.....
Mais telle est des tyrans la maxime terrible:
La justice n'est point une vertu d'état.

⁵¹ «Ничто не оправдывает тиранов; если король был мятежником, всегда нация вправе провозгласить его смерть: голос всего народа не может быть преступным; мы все преступники, если Людовик невинен».

⁵² «На кровавых развалинах издыхает монархия: век рабства, один день разбил ваши железа. Узурпаторскому скипетру наследует справедливая власть. Республика, ты рождаешься для отмищения мира. Если есть такие», и т. д.

«Ах, чтобы навсегда остаться торжествующей и мирной, предоставь единым заслугам разряды и должности: мать равных сынов, будь едина, неделима, но пусть твоя свобода будет рабыней законов. Если есть такие», и т. д.

⁵³ «Да, освятим наши руки в крови изменников. Чтобы отомстить за свою страну, каждый француз воин; но оставим тиранам кинжалы убийц и бесчисленное избивание народа. Если есть такие», и т. д.

«Только король способен на подобные ужасы: таков был король палач, которого называют с дрожью; но народ! лишь закон должен карать виновного: поражать его без Фемиды, значит снимать с него вину. Если есть такие», и т. д.

⁵⁴ «У всякого государства, несомненно, бывают крайние моменты, когда необходимость вызывает строгость: тогда спасайте народ; вот наш высший закон, но необходимо, чтобы булат был справедлив в своей ярости».

Ah! l'injustice heureuse est-elle moins horrible?
Et jamais la vertu fut-elle un attentat?⁵⁵

Il n'est point sans vertus de juste indépendance.
De notre liberté généreux conquérants,
Sauvons-la des forfaits de l'atroce licence;
Est-ce aux vainqueurs des rois d'imiter les tyrans?⁵⁶

Aux fourbes couronnés laissons la ruse oblique,
L'art des Machiavels est lâche et soupçonneux.
Soyons grands, soyons purs, gardons la foi publique;
De la fraternité qu'elle serre les noeuds!⁵⁷

Здесь же Лебрен дает характеристику политических систем:

Une mâle vertu fonde la république;
Le despotisme affreux pour base a la terreur.
Entre ces deux pouvoirs le pouvoir monarchique
S'élève sur un trône appuyé par l'honneur.

L'honneur! et qui peut donc honorer des entraves?
Un monarque est bientôt despote impunément,
En vain il adoucit le joug de ses esclaves:
Rien n'est plus dangereux qu'un despote clément.⁵⁸

В этих строфах замечательно точное воспроизведение основной схемы Монтескье. Чтобы это было ясно, приведу буквальные цитаты из «Духа законов»: Книга вторая, глава первая: «Il y a trois espèces de gouvernements: le républicain, le monarchique et le despotique».⁵⁹

Книга третья, глава девятая: «Comme il faut de la vertu dans une république et dans une monarchie de l'honneur, il faut de la crainte dans un gouvernement despotique».⁶⁰

Лебрен оставался поклонником и интерпретатором Монтескье на всех стадиях развития революции.

Обратимся еще к некоторым одам и песням Лебрена.

В своей «Песне на республиканском банкете для праздника Победы» (1796 г.) он прославляет победы республиканского оружия. Среди прочих воззваний к свободе мы читаем такой куплет:

Vils tyrans, qu'un flatteur caresse,
Pâles d'un stérile courroux,
Frémissez de notre allégresse.
Mais vous, peuples, rassurez-vous...⁶¹

⁵⁵ «Но таково ужасное правило тиранов: справедливость не государственная добродетель. Ах, удачливая несправедливость разве менее страшна? и когда-нибудь добродетель была покусением?»

⁵⁶ «Без добродетели нет истинной независимости. Великодушные завоеватели нашей свободы, спасем ее от злодейств жестокого произвола; неужели победители королей будут подражать тиранам?»

⁵⁷ «Предоставим увенчанным мошенникам косую хитрость, в искусстве Макиавеллей подлость и подозрительность. Будем велики, чисты, сохраним общее доверие; пусть оно скрепит узы братства».

⁵⁸ «Мужественная добродетель — основа республики, ужасный деспотизм основан на ужасе; между ними монархическая власть подымается на троне, опирающемся на честь».

Честь! но кто почитает пути? Монарх безнаказанно превращается в деспота, тщетно он смягчает ярмо своих рабов: нет ничего опаснее, чем милостивый деспот».

⁵⁹ «Есть три рода правления: республиканское, монархическое, деспотическое».

⁶⁰ «Как нужна добродетель в республике, а в монархии — честь, так нужен страх в деспотическом правлении».

⁶¹ «Гнусные тираны, которых ласкает льстец, бледные от бесплодного гнева, дрожите перед нашим весельем, а вы, народы, ободритесь».

В изд. 1811 г. первый стих гласит: «Rois trompés qu'Albion caresse» и сопровождается примечанием: «Короли Неаполя, Португалии и Сардинии» (т. I, стр. 413).

Этот куплет можно поставить в прямую связь со стихами «Вольности»:

Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы.

Чтобы закончить характеристику политических од Лебрена, остановлюсь еще на двух из них: Первая — это ода «На энтузиазм», дважды переведенная на русский язык, конечно, со смягчением политической части. Это одна из популярнейших од Лебрена. Относительно того, мог ли знать Пушкин эту оду, отпадают всякие сомнения. Написана она в 1795 г. Вот две строфы из нее, смысл которых вполне раскрывается, если принять во внимание, что «honneur» означает монархию, а «vertu» — республику.

L'honneur enfanta ces Miracles;
Mais, ô céleste Liberté!
Quand la Vertu rend tes Oracles,
Tout cède à ta Divinité.
O du Français nouvelle Amante,
Vierge belliqueuse et charmante,
Comme il te suit dans les Combats!
Rival de Rome et de la Grèce,
Comme il brûle de ton ivresse!
Comme il triomphe sur tes pas!

О Liberté! que tes Orages
Ont de charmes pour les grands coeurs:
Ils ne craignent point ces Naufrages
D'où leurs Noms s'élancent vainqueurs.
Victime de ton beau délire
Dût mon sang arroser ma lyre,
Content, je mourrai dans tes bras!
Par d'affreux Tyrans menacée,
A-t-on vu la Muse d'Alcée
Pâlir à l'aspect du Trépas?⁶²

(изд. 1811 г., т. I, стр. 79—81).

Другая ода, уже цитированная выше, это ода «Les Rois», писанная в 1783 г. Мы убедимся по ней, что Лебрен имел право сказать в одной из революционных од:

...j'osai, quand le sceptre arma la tyrannie,
D'un vers républicain épouvanter les rois;
...de la liberté l'indomptable génie
Sut toujours enflammer et mon coeur et ma voix...⁶³

Эти стихи в большей степени, чем писанные во время революции, рисуют политические идеалы Лебрена. В них он не воспевает происходящие события, а рисует программу будущего. Эта ода содержит ряд прямых цитат из Монтескье: так образ мудреца, отказавшегося от власти, взят из «Персидских писем» (письмо XIV); в дальнейшем имеются переложения из «Духа законов» (гл. V, гл. XIII и др.).

Ода начинается описанием мудреца, достойного быть царем, но отказавшегося от права власти над другими:

⁶² «Честь рождала чудеса, но, небесная Свобода, когда добродетель изрекает твою волю, все уступает твоему божеству. О новая любовница французов, дева воинственная и прелестная, как они следуют за тобой в сражении, соперники Рима и Греции, как они горят твоим упоением, как они торжествуют, идя по твоему следу.

О свобода, как твои бури упоительны для великих сердец: они не боятся крушений, из которых имена их восходят победоносными. Жертва прекрасного восторга, если бы я обагрив своей кровью мою лиру, довольный, я умру в твоих объятиях! Видели ли, чтобы при угрозах ужасных тиранов муза Алкея бледнела пред лицом смерти?»

⁶³ «...Я смел, когда скипетр вооружал тиранию, республиканским стихом пугать королей... неукротимый дух свободы всегда воспламенял мое сердце и мой голос.

Ainsi la force aux mains sanglantes,
L'orgueil aux brigues insolentes,
Conquéran'ts de la terre, en devinrent les rois:
Ainsi leur race criminelle
A son trône de fer sut enchaîner les lois
Qui n'auraient tonné que sur elle.
De là ces publiques furies,
Ces prodiges de barbarie,
Néron, Caligula, ces monstres couronnés
Dont la rage en crimes féconde,
Pour frapper d'un seul coup les peuples consternés
N'eût voulu qu'une tête au monde.⁶⁴

Описав разрушительное значение королевской власти, Лебрен характеризует рабство под двойной тяжестью трона и алтаря:

Mais si l'encensior fanatique
Joint à la hache despotique
Jure de l'univers l'esclavage éternel,
C'est alors que la race humaine,
Sous le poids écrasant du trône et de l'autel
Rampe et meurt en baisant sa chaîne.⁶⁵

Обращаясь к царям, Лебрен указывает им путь упрочить свою власть: отказаться от насильственного господства над народом:

Renversez, détruisez ces tours, ces noirs remparts,
Complices de la tyrannie;
Que de la liberté, sur leurs restes épars,
S'élève et plane le génie.⁶⁶

Вместо оружия цари должны употребить любовь к народу:

Voulez-vous mériter l'empire?
De l'humanité qui soupire
Calmez, séchez les pleures, craignez de perdre un jour.
Condamnés à l'orgueil du trône,
A force de vertus, et de soins et d'amour,
Rois, expiez votre couronne.⁶⁷

Далее Лебрен обличает монархию в ее средствах управления. Он изобличает королевский двор и переходит к системе lettres de cachèt и негласного суда:

Brise les cachets tyranniques
De ces oppresseurs politiques,
Du pâle citoyen nocturnes ennemis!
Si leur vengeance est légitime,
Qu'à la sainte clarté du flambeau de Thémis
Elle ose frapper sa victime!
Qu'à son tour soit jugé lui-même
Ce juge affreux qui te blasphème
Et souilla trop longtemps la pureté des lois!
Que la justice réparée

⁶⁴ «Так насилие с кровавыми руками, гордость с дерзкими происками, победив землю, стали ее царями. Так их преступный род приковал к своему железному престолу законы, которые поражали бы только их самих.

Отсюда эти всенародные фурии, эти чудовища варварства, Нерон, Калигула, увенчанные злодеи, коих ярость, неистощимая в преступлениях, жаждала, чтобы у всего мира была бы одна голова, чтобы одним ударом поразить оцепенелые народы».

⁶⁵ «Но если кадило изувера в союзе с топором деспота поклялось подвергнуть мир в вечное рабство, тогда народы под подавляющей тяжестью престола и алтаря ползают и умирают, целуя свои цепи».

⁶⁶ «Опрокиньте, разрушьте эти башни, эти черные оплоты, помогающие тиранству; пусть на их рассыпанных обломках подымается и парит гений свободы».

⁶⁷ «Хотите быть достойными власти? Успокойте, осушите слезы вздыхающего человечества, не теряйте ни одного дня. Присужденные к гордости престола, силою добродетелей, забот и любви, цари, искупите свою корону».

Soit du bonheur public et du trône des rois
La base éternelle et sacrée.⁶⁸

За этим следуют другие картины злоупотреблений монархического режима дореволюционной Франции. Но они не имеют прямого отношения к темам «Вольности» Пушкина.

Итак, обозрение политической лирики Лебрена показывает, что содержанием ее является система Монтескье, воспринятая в условиях революции. Темы лирики Лебрена — проповедь вольности, ограниченной законностью. Закон — основное условие гражданского обществения. В разительном противоречии с принципами вольности и законности находилась практика французской монархии, и Лебрен часто возвращается к теме преступлений, совершенных французскими королями. Казнь Людовика XVI послужила предметом для нескольких его од. Эту казнь он оправдывает, так как она совершена в законных формах суда. Наоборот, монархия без судебных гарантий не встречает сочувствия Лебрена: «Поражать без Фемиды значит виновного делать невинным». Из двух форм правления, положительно охарактеризованных в «Духе законов», Лебрен, участник республиканской революции, избирает строй республиканский. «Добродетель» для него выше «чести».

Если мы обратимся к «Вольности» Пушкина, то здесь мы встретим тоже проповедь идей Монтескье, но в условиях монархического государства и в эпоху, когда судьба политической свободы в передовых кругах связывалась с торжеством конституционного строя во Франции после реставрации Бурбонов. Поэтому Пушкин иначе ставит вопрос о двух строях. Но если он склоняется ближе к решению самого Монтескье, то причина этого не в чистоте политической системы, а в исторической обстановке 1817 г. Отсюда же и различная оценка казни Людовика. Для Лебрена — это акт законности, волеизъявление нации; для Пушкина это — «преступная секира», упавшая при молчании народа и закона. Опять-таки, достаточно вспомнить то символическое значение, какое было придано казни короля в эпоху Реставрации, чтобы понять исторические корни взглядов Пушкина.⁶⁹

Вот основные и существеннейшие отличия идеологии «Вольности» от системы политической лирики Лебрена. Со всем тем, основы политических взглядов и темы поражают своим сходством. Та же система Монтескье определяет политические выводы. Точно так же закон является спасительным средством, без дальнейшего анализа, о каком законе идет речь.⁷⁰ Ни Пушкин, ни Лебрен не допускают и мысли, что закон сам может быть системой организации насилия. И тот и другой обличают союз престола и алтаря. «Славные ошибки предков» Людовика достаточно обличены в одах Лебрена. Сочетание вольности с законами, равенство граждан перед законом, торжество справедливости на судах, отрицатель-

⁶⁸ «Разбей тиранские печати политических притеснителей, ночных врагов бледного гражданина! Если их месть законна, пусть она смело поражает жертву при святом свете свечильников Фемиды!»

Пусть в свою очередь будет предан суду ужасный судья, который тебя позорил и слишком долго загрязнял чистоту законов! Пусть восстановленная справедливость будет вечной и священной основой общественного счастья и королевского престола».

⁶⁹ По закону 12 января 1816 г. «цареубийцы» наряду с участниками восстановления власти Наполеона в эпоху Ста дней были исключены из действия амнистии. «Цареубийцами» именовались члены Конвента, голосовавшие за казнь Людовика XVI. Тогда же был установлен ежегодный траур 21 января. Таким образом, из всех событий французской революции только процесс короля в изъятие из общего правила был признан «преступлением», не смываемым никакой амнистией. Это получило свое выражение в политической литературе этих лет.

⁷⁰ Легко обнаружить анализом текста, что термин «закон» покрывает сразу и понятие исторических систем законов и понятие естественного права, «les lois de la nature», по терминологии Монтескье.

ное отношение к дворцовому перевороту, даже если он устраняет преступного царя, — всё это находим одинаково как у Лебрена, так и у Пушкина. Любопытны и фразеологические совпадения, например, «monstre sanguin» и «увенчанный злодей» в сочетании с именем Калигулы. Заключение стихи «Вольности»

И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой

находят близкую параллель в цитированных уже стихах из оды «Les Rois». ⁷¹

Сближает с Лебреном оду «Вольность» и революционный пафос произведения, с обращением к народу и царям, по всем правилам одической риторики высокого классического стиля. Сама идея воспользоваться политической системой Монтескье для стихотворения, которое в данной обстановке могло звучать только как революционное, подсказана всей деятельностью Лебрена. Это, конечно, не подражание; Пушкин, как он сам определил, «шел во след» Лебрену, по-своему разработав темы, которые нашел в революционной лирике своего предшественника.

Лирика Лебрена полностью оправдывает характеристику его как «возвышенного галла» и без противоречий раскрывает перифраз Пушкина.

Однако вопрос не может считаться решенным, если мы не коснемся гипотез, предлагавших в качестве «возвышенного галла» другие имена. В первую очередь надо коснуться имени Андре Шенье. К сожалению, версия эта, получившая на долгое время всеобщее признание, никогда и никем не обосновывалась. В самых подробных комментариях к «Вольности» (в изданиях Венгерова и старом академическом) совершенно отсутствуют какие бы то ни было доводы в пользу Андре Шенье. Впервые его имя указано в форме простой сноски в заграничном издании Гербеля «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», 1861 г. и затем в той же форме включено в русские издания Ефремовым (начиная с издания 1880 г.). В других изданиях ограничиваются простой констатацией, и то главным образом в качестве аргументации в пользу того, что «Вольность» писана в 1819 г. Принято было такое толкование слов Пушкина под прямым влиянием образа Шенье в стихотворении Пушкина 1825 г. Попытку осмыслить подобное понимание текста дал только Юрий Веселовский в статье «Пушкин и Шенье» (сочинения Пушкина под редакцией Венгерова, том III, стр. 583). Прочитав четверостишие из «Вольности», Ю. Веселовский пишет:

«Желая порвать с «Цитеры слабою царицей», «разбить изнеженную лиру» и выступить в роли певца свободы, обличителя произвола и угнетения, Пушкин невольно вспомнил одного из наиболее ярких представителей идейной, тенденциозной поэзии во Франции и в этот момент хотел идти по его следам, вдохновляться его песнями».

Прежде всего напомним хронологическую справку, приведенную мною в статье 1917 г. В письме А. И. Тургенева Вяземскому от 5 (17) августа 1819 г. уже упомянута «Ода на свободу» Пушкина. А первое издание стихотворений А. Шенье вышло в свет не ранее 9 (21) августа. Таким образом, как бы ни датировали мы «Вольность», она написана раньше появления в свет собраний стихотворений Шенье. Следовательно, вполне естественно возникает вопрос, в какой мере возможно допустить знакомство Пуш-

⁷¹ Анализ творчества Лебрена вообще вскрывает некоторые источники формул гражданской лирики молодого Пушкина, систему метафор, образов и иных риторических форм. Но здесь следовало бы проследить эти явления на более широком материале, обратившись к поэтическому и ораторскому наследию французской революции, с одной стороны, и к гражданской поэзии в России — с другой. Без такого изучения все параллели неизбежно носят характер случайности.

кина с произведениями Шенье и его именем в момент написания «Вольности». Конечно, Пушкин мог слышать об Андре Шенье в связи с именем его брата, по тому времени весьма известного писателя. Когда Плетнев получил от Пушкина стихотворение «Андрей Шенье», он писал ему: «Козлов... выслушав твоего Шенье, просил тебе дать знать, если ты не помнишь, что брату Шенье после, когда поднята была голова Андрея, подали безыменную записку: «Каин, где брат твой Авель?» (письмо 26 сентября 1825 г.). Эти сведения взяты не из вступительной заметки к сочинениям Шенье, а представляют собой отзвук клеветнической кампании, которую вела газета Мишо «La Quotidienne» против М.-Ж. Шенье из соображений не слишком чистой политики (в 1796 г.), в порядке жесточайших нападков на республиканцев из лагеря роялистов. Подобные сведения, встречавшиеся и на страницах некоторых историй революции,⁷² могли доходить до Пушкина. Что же касается произведений А. Шенье, то знакомство с ними Пушкина в это время мало вероятно. До появления в свет издания 1819 г. в печати появились только следующие вещи А. Шенье: в 1791 г. напечатано отдельной брошюрой «Jeu de raime», огромное произведение в стихах, состоящее из 22 строф по 19 стихов (всего 418 стихов); произведение это осталось незамеченным. В 1792 г. на страницах «Journal de Paris» появился ряд политических статей Шенье, в которых он полемизировал с Манюэлем, Колло д'Эрбуа, Петионом, Бриссо⁷³ и также со своим братом Мари-Жозефом; среди этих прозаических статей напечатан был «Гимн о швейцарцах из Шатовье». Уже после смерти Шенье были напечатаны в январе 1795 г. «Молодая пленница» (в «La Décade», 20 нивоза), и в марте 1801 г. «Молодая тарентинка» (в «Le Mercure», 1 жерминаля⁷⁴). В 1802 г. в «Génie du christianisme» Шатобриан упомянул о Шенье и привел в примечаниях два фрагмента из идиллий. Это было всё, что мог бы прочитать Пушкин ко времени написания «Вольности». ⁷⁵ Гипотеза, что он мог по копиям знать его стихи до их издания в 1819 г., отпадает. В своем предисловии к изданию стихотворений А. Шенье Габриэль Шенье утверждал, что бумаги поэта не выходили за пределы кабинета Дону, к которому они перешли после смерти М.-Ж. Шенье, а затем — наследников А. Шенье. Во всяком случае ни у Пушкина, ни в его окружении имя Шенье до 1819 г. не упоминается. Из доступной Пушкину литературы вряд ли он мог составить себе представление о Шенье как о свободолюбивом поэте. Он слышал о нем как о жертве революционного террора, читал его характеристику как идиллика в заметке Шатобриана, и только. Его

⁷² Например, в «Histoire philosophique de La Révolution de France» Фантена-Дезодора (изд. 1797 г., т. IV, стр. 151), где изображается М.-Ж. Шенье, мучимый угрызениями совести, которая «в тишине ночи беспокоит его сон, повторяя слова библии: Каин, что ты сделал с своим братом Авелем?». Там же сообщается, что травлю против М.-Ж. Шенье вела монархическая газета «Miroir».

⁷³ Этот перечень имен (равно как и статьи против министерства Ролана) делает неожиданным заявление Ю. Веселовского, что Шенье сочувствовал жирондистам (соч. Пушкина под ред. Венгерова, т. III, стр. 582). В изд. «Academia» 1936 г., т. I, стр. 741 мы встречаем аналогичное указание на то, что Шенье «примыкал к жирондистам».

⁷⁴ Перепечатано тогда же в «Journal des Débats» (10 жерминаля).

⁷⁵ Мету знакомства с А. Шенье до выхода в свет издания 1819 г. Пушкин сам определял черновым проектом предисловия к стихотворению «Андрей Шенье»: «Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, и два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. Наконец, творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года — нельзя воздержаться от горестного чувства». Этой заметкой определяется и мера личного знакомства Пушкина с произведениями Шенье до августа 1819 г. Ясно, что Пушкин не знал ни «Jeu de raime», ни каких бы то ни было других произведений Шенье политического порядка. Возможно, что и в Шатобриана Пушкин заглянул по указанию вступительной заметки Лагуша к изд. 1819 г. Замечу, что Гербель и Ефремов, пустившие и популяризовавшие версию об А. Шенье, оба датировали «Вольность» 1820 г. Кажется, приводимые справки вполне решают вопрос, и дальнейшие аргументы имеют в виду уже самых крайних скептиков.

«Гимн о швейцарцах» вряд ли мог быть ему известен. Во-первых, следует сказать, что стихотворение это названо «гимном» весьма условно.⁷⁶ Это политическая сатира, проникнутая модеранризмом; она по всем своим особенностям стиха, темы и разработки входит в цикл ямбов Шенье. Если бы Пушкину попался комплект «Journal de Paris», где эти стихи напечатаны, он должен был бы знать и прозаические стихи Шенье, направленные против активных деятелей революции. Из этих статей образа вольнолюбивого возвышенного поэта не возникает. Остается «Jeu de raime». По жанру это произведение очень далеко от од и гимнов. Будучи в положительной части развитием идей Монтескье (и недаром А. Шенье послал его Лебрену с восторженным посвятельным письмом⁷⁷), произведение это имеет целью политическую борьбу с крайними течениями, с авангардом революции. Вот первые стихи строф XVI и XVII:

Mais au peuple surtout sauvez l'abus amer
De sa subite indépendance.
Contenez dans son lit cette orageuse mer.
Par vous seuls depouillé de ses liens de fer,
Dirigez sa bouillante enfance.

Peuple! ne croyons pas que tout nous soit permis,
Craignez vos courtisans avides.
O peuple souverain! A votre oreille admis,
Cent orateurs bourreaux se nomment vos amis,
Ils soufflent des feux homicides.⁷⁸

Конечно, в «Jeu de raime» много говорится и о свободе и еще более о законе, но все это проникнуто духом решительной оппозиции революционной партии.

Естественно может возникнуть следующий довод в пользу А. Шенье, основывающийся, главным образом, на образе Шенье в стихотворении 1825 г. «Андрей Шенье»: не достаточно, чтобы объективно Шенье не был певцом свободы, чтобы отвести его имя. Ведь мог же Пушкин видеть в нем певца вольности со своей точки зрения. В самом деле, казалось бы, достаточно, что Шенье призывает свободу и что его положительный политический идеал по существу мало отличается от политического идеала «Вольности», который, в конце концов, сводится к системе конституционной монархии. Но эту интерпретацию «Вольности» надо решительно отвергнуть и разобрать вопрос о подлинном политическом значении этой оды. Революционность произведения определяется не только прогрессивностью положительного идеала, но и силой политического отрицания. К оценке политической действительности «Вольности» должны быть применены марки того времени, когда ода возникла. В тройственной формуле Монтескье: республика, монархия, деспотия, — грань, разделяющая

⁷⁶ Традиция, зачисляющая это произведение в число революционных, вряд ли основательна (ср. «Революционная ода Шенье Sur les Suisses révoltés» в статье Л. Гроссмана «Пушкин и Андрэ Шенье», «Свиток», 3, 1924, стр. 103). Создалась она, повидимому, автоматически в результате включения (совершенно механического) этого стихотворения в число гимнов в издании Г. Шенье 1874 г.

⁷⁷ «Автор желал бы остаться не слишком ниже благородного лирического жанра, который воскрешен Лебреном во всем своем величии (grandeur et majesté). Он не забывает считать среди своих чтений, которые более всего способствовали развитию в нем поэтического инстинкта, заложенного природой, частое неоднократное чтение од и возвышенных стихотворений (sublimes poésies), которые Лебрен когда-то ему сообщил, и собрания которых к славе нашего языка и нашего века так давно ждут читателя».

⁷⁸ «Но спасите народ от горького злоупотребления внезапной независимостью. Сдержите в берегах бурное море. Одни вы освободили его от железных пут, так направьте его буйную юность».

Народ, не верь тому, что все тебе позволено. Бойся жадных льстецов. Верховный народ, допущенные до твоего слуха соиниораторы палачей именуют себя твоими друзьями и раздувают человекоубийственное пламя».

прогрессивный идеал от реакционной действительности, проходила между монархией и деспотией. Слово «монархия» тогда употреблялось в значении «конституция». В обстановке александровской России, особенно до речи в польском сейме о проекте распространения либеральных установлений на всю Россию, идеал конституции был уже достаточно прогрессивным началом, чтобы в сочетании с энергичным отрицанием деспотизма («Тираны мира, трепещите!») давать произведение революционное. «Вольность» была революционной одой, и только революционную генеалогию и мог ей искать Пушкин. Шенье в линии революционной поэзии никогда не был, и если он и проявил достаточное мужество в политической борьбе, за что и поплатился головой, то это мужество — совсем не та смелость, о которой говорит Пушкин и которая применима только к произведениям революционного поэта. Не следует забывать уже ранее сложившейся репутации Шенье как талантливого идиллика, бывшего жертвой революции и, следовательно, принадлежавшего к стану врагов революции. Габриэль Шенье пишет, как Шендоле (французский поэт, автор дидактической поэмы «Le Génie de l'homme», впоследствии примыкавший к романтической группе, периода религиозно-монархического романтизма) в 1814 г. заинтересовался произведениями Шенье из политических соображений: «Он думал, как и его друг Шатобриан, что молодой поэт, унесенный революционной бурей, мог бы считаться в числе роялистических писателей». Если таково было представление о Шенье в среде французских писателей в 1814 г., то откуда через три года у Пушкина мог сложиться образ Шенье — певца вольности?

Пушкин знал А. Шенье только как жертву революции. Этот же образ находим мы и в элегии «Андрей Шенье». Но в 1825 г. Шенье был уже хорошо известен Пушкину и дорог ему как поэт. Пушкин не скрывал аллегоричности своей элегии. Чувствуя себя в неволе, жертвой деспотизма Александра, Пушкин вызывал память другого поэта, тоже бывшего жертвой политической борьбы. Именно отсюда — из параллелизма собственной судьбе и из образа политической жертвы и возник образ Шенье — вольнолюбивого поэта. Самостоятельно такой образ в сознании Пушкина не мог возникнуть, и ко времени создания «Вольности» к тому не было никаких предпосылок.

Гипотезу об Андрее Шенье приходится решительно отставить.

В последнее время возникла еще одна гипотеза. Было названо имя Казимира Делавиня.⁷⁹ В основе гипотезы лежит следующее: как пишет Ж. Делавинь в биографии его брата, «в июле 1815 г., через несколько дней после гибельного сражения при Ватерлоо он (Казимир) написал первую Месеньену. Она произвела огромное впечатление во всей Франции. Все были признательны молодому поэту, выразившему с таким подъемом и энергией чувства, заставлявшие биться все французские сердца. За этой Месеньеной последовали непосредственно еще две, и таков был восторг, возбужденный ими, что в первый год их появления было продано двадцать одна тысяча экземпляров. В эту минуту Казимир стал национальным поэтом Франции, и он был достоин этого почетного титула. Он любил славу своей страны, но он не меньше любил свободу, плодотворную свободу, одинаково удаленную от беспорядков анархии и от злоупотреблений деспотизма, и всю свою жизнь он посвятил ее прославлению и защите». Речь идет о трех первых «Messéniennes» Делавиня: «La Bataille de Waterloo», «La Dévastation du Musée et des Monuments», «Du besoin de s'unir après le départ des étrangers». Эти три стихотворения Делавинь назвал Месеньенами, по собственному его объяснению, в подражание трем элегиям, помещенным в историческом романе Бартеlemi

⁷⁹ Доклад Г. А. Гуковского на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1938 г.

«Путешествие Анахарсиса», в качестве образцов воображаемых мессенских поэтов: «Всем известны элегии о несчастиях Мессении в «Путешествии Анахарсиса»; мне казалось возможным заимствовать у Бартеlemi название Месеньены, чтобы определить жанр национальных стихотворений, которые еще никто не пробовал ввести в нашу литературу». Стихотворения Делавиня являются элегиями, но особого высокого стиля; генеалогия их Бартеlemi ведет от элегий Тиртея, следовательно, в каком-то условном смысле их можно отнести к «гимнам». Из трех элегий в связи с «Вольностью» можно говорить только о третьей. В первой восславляются французские войска, сражавшиеся под Ватерлоо, но указывается, что «небо произнесло приговор; оно возродило лилии», т. е. провозглашается историческая необходимость восстановления Бурбонов, и страна призывается к созданию армии «вокруг монарха», т. е. вокруг Людовика XVIII. Во второй элегии Делавинь оплакивает произведения искусства, изымаемые пруссаками из французских музеев. Содержание третьей в изложении Ломени (*Galerie des Contemporains illustres par un homme de bien*, 1842, Casimir Delavigne) следующее: «Это призыв к согласию, к слиянию партий в едином чувстве патриотизма; к словам благожелательности по отношению к реставрированной монархии молодой поэт присоединяет строгие советы, благородный протест против бесчестных трактатов и уроки полезные для всех». Слово «свобода» встречается только в третьей Месеньене:

Quitte enfin ton deuil,
Liberté chérie;
Liberté, patrie,
Sortez du cercueil.⁸⁰

и в заключительных стихах:

O rois, pour commander, obéissez aux lois:
Peuple, en obéissant, sois libre sous les rois!⁸¹

Изложенная гипотеза не представляется убедительной. В последней элегии термин «свобода» в разных местах имеет разные значения: свобода гражданская и свобода национальная. Обе приведенные цитаты говорят о свободе во втором значении, т. е. о национальной независимости Франции. О гражданской свободе говорится в других выражениях; вспоминая революцию, автор пишет:

Le peuple mieux instruit, mais trop fier de ses droits
Sur les débris du trône établit son empire,
Poussa la liberté jusqu'au mépris des lois,
Et la raison jusqu'au délire.⁸²

Или в другом месте:

Cessant de comprimer la fièvre qui l'agite
Le fier républicain, sourd aux leçons du temps,
Appelle avec fureur, dans ses rêves ardents,
Une liberté sans limite;
Mais cette liberté fut féconde en forfaits:
Cet Océan trompeur, qui n'a point de rivages,
N'est connu jusqu'à nous que par de grands naufrages
Dans les annales des Français.⁸³

⁸⁰ «Покинь свой траур, возлюбленная свобода; свобода, родина, выходите из гроба».

⁸¹ «Короли, чтобы повелевать, повинуйтесь законам; народы, повинуйсь, будьте свободны под властью королей».

⁸² «Народ более опытный, но слишком гордый своими правами, на обломках престола установил свою власть, довел свободу до презрения к законам, а разум до безумия».

⁸³ «Перестав сдерживать возбуждающую его лихорадку, гордый республиканец, глухой к урокам времени, призывает с яростью в пылких мечтаниях беспредельную свободу; но эта свобода была обильна преступлениями: этот обманчивый океан, не имеющий берегов, известен нам только великими кораблекрушениями в анналах французов».

Здесь совершенно отсутствуют какие бы то ни было признаки того, чтобы Делавиню его элегии внушала сама вольность. И в самом деле, за свои Месеньены он получил синекуру от министра Пакье (Pasquier), известного не только своей «умеренностью», но и своей инициативой в издании исключительных законов, в борьбе с печатью и организации «превотальных судов», т. е. в легальной организации «белого террора».

Сохранившиеся отзывы Пушкина о Делавине свидетельствуют об отрицательном отношении к его творчеству. Вяземскому, ценившему драматургию Делавиня, Пушкин писал в 1825 г.: «Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно он поэт, но всё не Вольтер, не Гете... далеко кулику до орла!» Хотя, конечно, за восемь лет взгляды Пушкина могли измениться, а данный отзыв имеет в виду театр Делавиня, но вряд ли бы он так отозвался о поэте, поэтические дебюты которого он приветствовал так восторженно.

Наконец, и что, пожалуй, окончательно решает вопрос, хронология противоречит гипотезе. Как бывает часто, у Ж. Делавиня произошла абберрация памяти. Три Месеньены появились не в 1815 г., а в 1818 г., в конце ноября (первые отклики на них в печати в справочнике Тиме зарегистрированы только в 1819 г.), да и не могли появиться раньше, так как в третьей Месеньене (единственной, вызывающей возможность данной гипотезы) говорится об эвакуации иностранных войск из Франции, а эта эвакуация была решена на Аахенском конгрессе в октябре 1818 г.

Между тем «Вольность» написана в 1817 г. Данная же гипотеза не является достаточным основанием, чтобы пересмотреть вопрос о дате, дважды засвидетельствованной Пушкиным, и склониться к спорной дате 1819 г., пока еще ничем не подкрепленной.

Итак, пока не будет выдвинуто гипотезы более удовлетворительной и более обоснованной, у нас нет никаких оснований пренебрегать свидетельством современников Пушкина, дважды указавших на Лебрена как на поэта, скрытого под формулой «возвышенного галла».